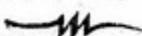

ВОПРОСЫ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

П. Н. Шульц

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО (1945—1950 гг.) *

Раскопки Неаполя, главного города государства поздних скифов, в послевоенное время проводились в течение шести лет, с 1945 по 1950 г. Раскопки дополнялись разведочными обследованиями скифских городищ и селищ. Работы эти осуществлялись Тавро-скифской экспедицией, организованной в 1945 г. ИИМК АН СССР и ГМИИ¹. С 1948 г. экспедиция проводилась Крымским филиалом АН СССР совместно с названными выше учреждениями². Участие в ее работах принимали музеи Крыма, а также Институт археологии АН УССР и Академия архитектуры УССР.

Главной задачей экспедиции являлось уточнение вопроса о государстве и культуре поздних скифов для дальнейшего выяснения их значения в истории племен и народностей юга СССР.

Разведочные обследования скифских селищ и городищ проводились в предшествующие годы преимущественно в предгорном Крыму и на западном побережье Крыма.

В 1951—1952 гг. Северокрымская историко-археологическая экспедиция Крымского филиала АН СССР и Института археологии АН УССР обследовала археологические памятники в зоне Северо-Крымского кан-

* Статья представляет собой переработанный и дополненный текст доклада, прочтенного автором на конференции ИИМК АН СССР по скифо-сарматской археологии в 1952 г. См. статью Н. Н. Погребовой, Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР, 1952 г. сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», изд. АН СССР, 1954, стр. 11, 1426 сл.

¹ П. Н. Шульц, Раскопки Неаполя скифского, Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 г., М., 1948; его же, Тавро-скифская экспедиция, ИАН, Серия истории и философии, т. IV, в. 3, 1947, стр. 275 сл.

² А. Н. Каравес, Раскопки Неаполя скифского в 1948 г., ВДИ, № 4, 1950, стр. 179 сл.; его же, Раскопки Неаполя скифского в 1949 г., КСИИМК, в. XXXVII, 1951, стр. 161 сл.; его же, Раскопки Неаполя скифского в 1950 г., КСИИМК, в. XLIX, 1953, стр. 78 сл.

ла. Исследования экспедиции показали, что скифские укрепления отсутствуют на обследованной территории в северных и центральных районах степного Крыма¹.

Возможно, что скифские городища будут обнаружены в пределах еще необследованных участков предгорной² и степной территории, на морском побережье и в устьях и долинах рек, но уже сейчас достаточно ясно, что скифские города, укрепления и селища концентрируются по преимуществу в предгорном Крыму, по второй и третьей гряде Крымских гор, вдоль долин рек и балок и древних путей, занимая обычно высоты, а также вдоль западного и северо-западного побережья Крыма³ (рис. 1). Скифские городища Таврического полуострова должны быть сопоставлены и изучены в тесной связи с городищами поздних скифов на Нижнем Днепре, Буге и в районах, примыкающих к Буго-Днепровскому лиману⁴. Последние нельзя исследовать изолированно, в отрыве от скифских городищ Крыма, рассматривая их как торговые фактории Ольвии (В. И. Гошкевич) или как сарматские городища⁵.

В результате проведенных в Крыму работ можно утверждать, что городище на юго-восточной окраине Симферополя, наиболее крупное из известных нам скифских городищ Крыма, представляет собой остатки Неаполя, главного города позднескифского государства, воспринимавшегося греками как полис, о чем свидетельствует наименование города, находившегося, судя по декрету в честь Диафанта, в середине полуострова. Страбон упоминает Неаполь как одну из трех крепостей, построенных Скилуром (Страбон, VII, 4, 7). В упомянутом декрете Неаполь и другой скифский

¹ П. Н. Шульц, О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в северном Крыму, Изв. Крым. отдела географ. об-ва Союза ССР, в. 2, Крымиздат, 1953, стр. 115 сл.

² В 1954 г. Горным археологическим отрядом Крымского филиала АН УССР (руководитель Е. В. Веймарн) обнаружено два скифских городища в Бахчисарайском районе, одно — около д. Заячье (б. Сакав) близ долины р. Альмы, второе — около д. Красная Заря (б. Ак-Шеих) близ долины р. Качи. В 1955 г. П. Н. Шульцем обследовано неучченное ранее городище на р. Бурульча близ д. Долиновка (б. Сарай-Эли).

³ П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 252 сл.; его же, Отчет о работах Евпаторийской экспедиции, Археологические исследования в РСФСР 1934—1936, М.—Л., 1941, стр. 265 сл. Высказанное нами в свое время предположение («Сов. Крым», № 2, С., 1946, стр. 98) о якобы трех оборонительных линиях в расположении скифских укреплений в Крыму (на Перекопе — ров и вал и подошвам рек Салгира и Альмы) дальнейшими исследованиями не подтвердилось.

⁴ В. И. Гошкевич, Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК, в. 47 1913; Ф. М. Штильман, Городища, поселения и могильники Бугского лимана, Автореферат канд. дисс., М., 1952; Н. Г. Елагина, Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э., Автореферат канд. дисс., М., 1953; Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, № 36, 1954.

⁵ Данные о городищах и поселениях Нижнего Днепра, Буга, Черноморского побережья от устья Буга до Одессы сообщены нам Ф. М. Штильман и А. А. Фурчис. См. также статью Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время (сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 72 сл.).

город Хабей названы «царскими крепостями»¹. Раскопки городища последних лет подтвердили, что Неаполь являлся городом-крепостью, в котором, как это выяснил еще Бларамберг, находились статуя Скилура, рельеф

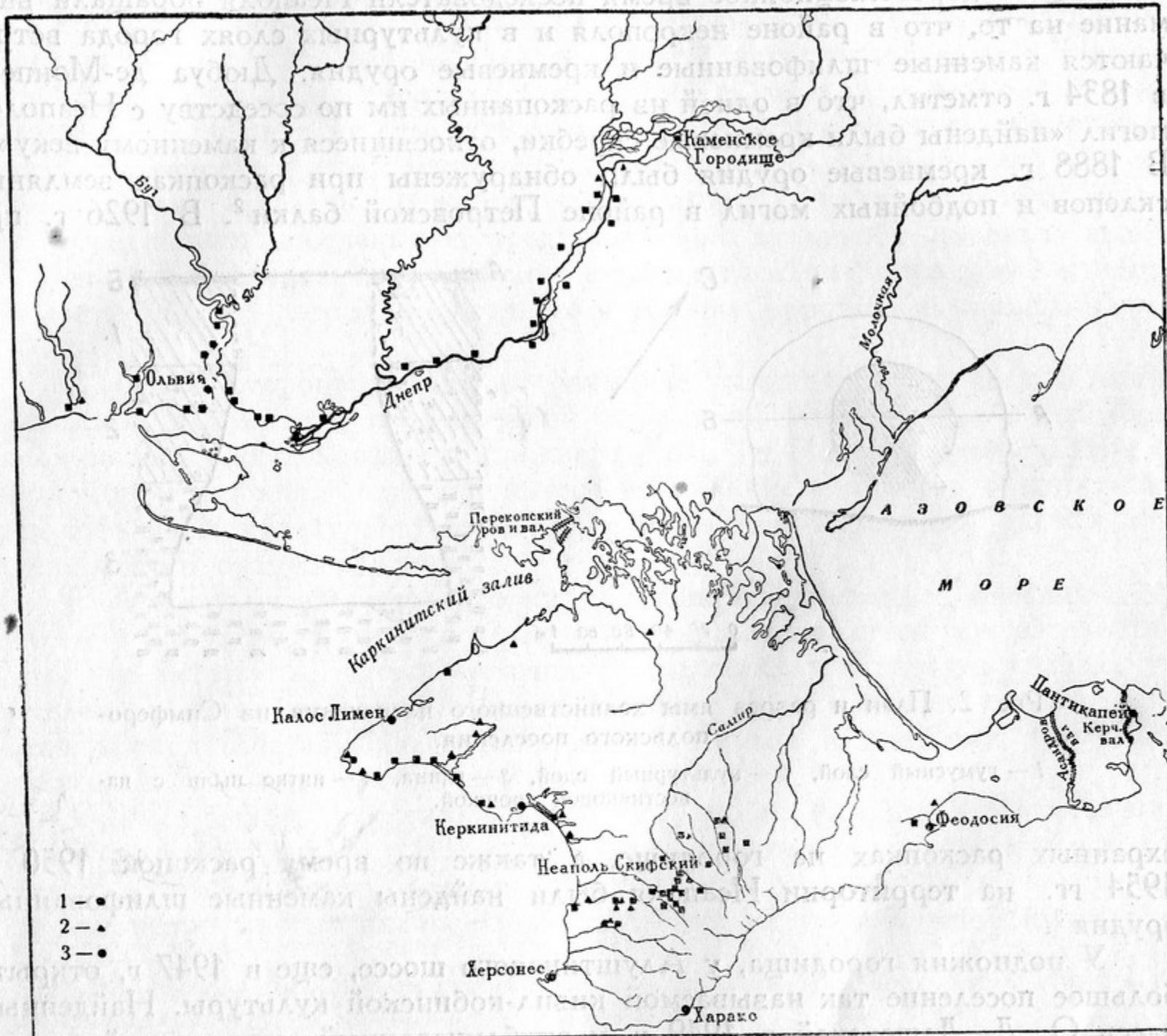

Рис. 1. Скифские городища и селища Крыма и низовий Днепра.

1 — скифские городища; 2 — скифские селища; 3 — античные города.

с изображениями Скилура и Палака и ряд посвятительных надписей на древнегреческом языке². Все эти данные позволяют считать вопрос о местоположении Неаполя решенным³.

¹ IosPE, I², № 352.

² П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, в. XII, 1946.

³ Сомнения в том, что скифское городище у Симферополя действительно Неаполь, высказанные О. Д. Дащевской (Скифские городища Крыма, Автореферат канд. дисс., М., 1954, стр. 5 сл.), мне представляются неосновательными.

О ПОСЕЛЕНИИ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОКОЛО ГОРОДИЩА НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ

Еще в дореволюционное время исследователи Неаполя обращали внимание на то, что в районе некрополя и в культурных слоях города встречаются каменные шлифованные и кремневые орудия. Дюбуа де-Монпере в 1834 г. отметил, что в одной из раскопанных им по соседству с Неаполем могил «найдены были кремневые скребки, относящиеся к каменному веку»¹. В 1888 г. кремневые орудия были обнаружены при раскопках земляных склепов и подбойных могил в районе Петровской балки². В 1926 г. при

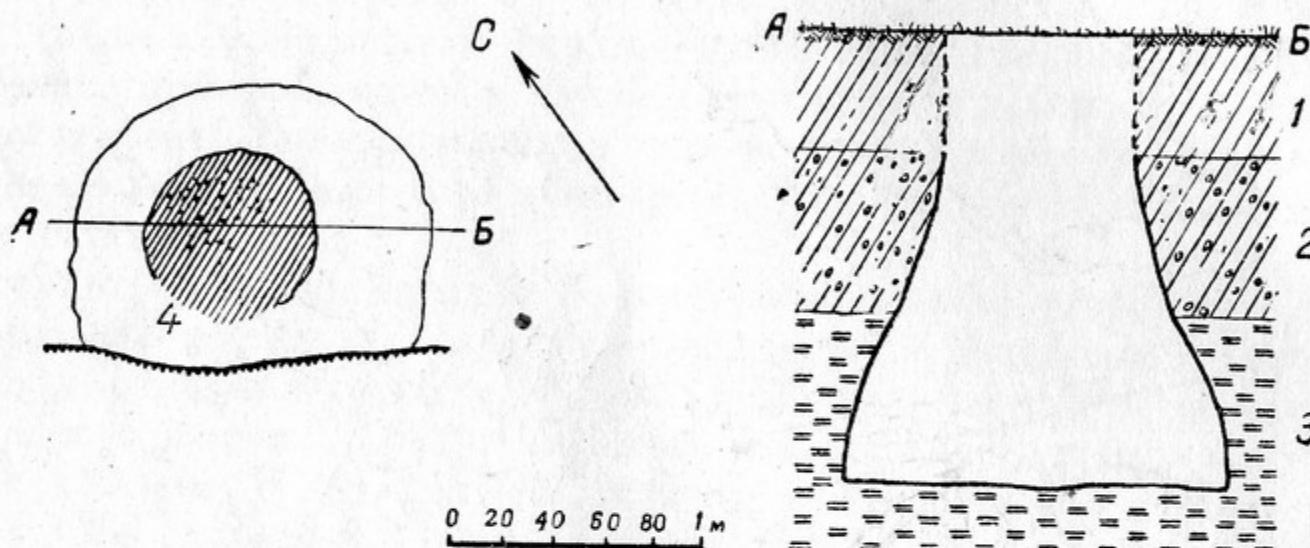

Рис. 2. План и разрез ямы хозяйственного назначения из Симферопольского поселения.

1 — гумусный слой, 2 — культурный слой, 3 — глина, 4 — пятно пыли с известняковой крошкой.

охраных раскопках на городище, а также во время раскопок 1950 и 1954 гг. на территории Неаполя были найдены каменные шлифованные орудия³.

У подножия городища, у Алуштинского шоссе, еще в 1947 г. открыто большое поселение так называемой кизил-кобинской культуры. Найденный здесь О. Д. Дащевской в 1949 г. и опубликованный ею костяной псалий раннескифского типа с тремя отверстиями⁴, датирующийся VII—VI вв. до н. э., свидетельствует о том, что данное поселение продолжало существовать в раннескифское время. Аналогичные псалии встречаются в раннескифских курганах Приднепровья⁵.

¹ Dubois de Montpereux, Voyage autour de Caucase et en Crimée... Paris, 1839—1843, t. VI, стр. 386 сл.

² ИТУАК, № 7, 1889, стр. 53 сл.

³ В 1954 г на городище были проведены охранные раскопки. В нижних горизонтах обнаружено два каменных шлифованных орудия.

⁴ О. Д. Дащевская, Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, стр. 113, рис. 33, 3.

⁵ Б. Н. и В. И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. III, К., 1900, табл. XLVIII, № 528.

Хозяйственные ямы на поселении, повидимому служившие для хранения зерна (рис. 2), наличие зернотерок, кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней свидетельствуют о том, что здесь жило оседлое пастушеско-земледельческое население.

Нельзя не обратить внимания на сходство керамики из Симферопольского поселения (рис. 3, а, б, в) с керамикой, встреченной в ямах Нимфея (рис. 3, г, д)¹ и на Киммерике² в слоях VI в. до н. э. и в более ранних. Вместе с тем нельзя не отметить тождества этой керамики с посудой ранних слоев таврского укрепленного поселения на горе Кошка (рис. 3, е, ж). Это позволяет сделать предварительный вывод о наличии общих черт в культуре нашего поселения с предполагаемой культурой поздних киммерийцев на Керченском полуострове (догреческие слои Киммерика) и в особенности ранних тавров предгорных и горных районов и южного берега (Кошка).

С другой стороны, обращает внимание наличие общих черт в кизил-кобинской керамике с предскифской керамикой Поднепровья³, некоторых районов Северного Кавказа⁴, Нижнего Дона⁵ и Подnestровья, включая и лесостепные районы. Особенно интересно наличие элементов общности кизил-кобинской культуры Крыма с чернолесской культурой лесостепного днепровского правобережья⁶.

Симферопольское поселение кизил-кобинской культуры, очевидно, связанное в наибольшей степени с ранними таврами, является доказательством того, что местность, непосредственно примыкающая к городищу, была уже заселена задолго до возникновения Неаполя. Поселение по предложенной нами хронологической классификации⁷ относится к третьему, последнему этапу развития кизил-кобинской культуры.

Однако между поселением (VII—VI вв. до н. э.) и возникновением здесь скифского города (III в. до н. э.) существует хронологический разрыв, который, может быть, заполнится при дальнейших исследованиях. Исчезновение многих аналогичных поселений кизил-кобинской культуры в

¹ М. М. Худяк, Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфе, Сб. «Археология и история Боспора», Симф., 1952, стр. 75 сл., рис. 1—3.

² И. Т. Кругликова, Раскопки древнего Киммерика, там же, стр. 60 сл., рис. 1а; ее же, Памятники эпохи бронзы из Киммерика, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 112, 116, рис. 37, 38.

³ И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, табл. VI, рис. 5.

⁴ Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Уч. зап. Кабардинского науч.-исслед. института, т. V, Нальчик, 1950, стр. 248, рис. 43, стр. 253, рис. 52.

⁵ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, в. 104, 1934, стр. 170 сл., рис. 52.

⁶ А. И. Тереножкин, Скифская Днепровская правобережная экспедиция, КСИИМК, в. XXXVII, 1952; его же, Археологические исследования близ Смели в 1952 г., КСИА, в. 3, К., 1954, стр. 71 сл., табл. 1; рис. 6—11; Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 98, рис. 4.

⁷ П. Н. Шульц, О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма, Тезисы доклада на сессии по истории Крыма, Симф., 1952, стр. 6 сл.

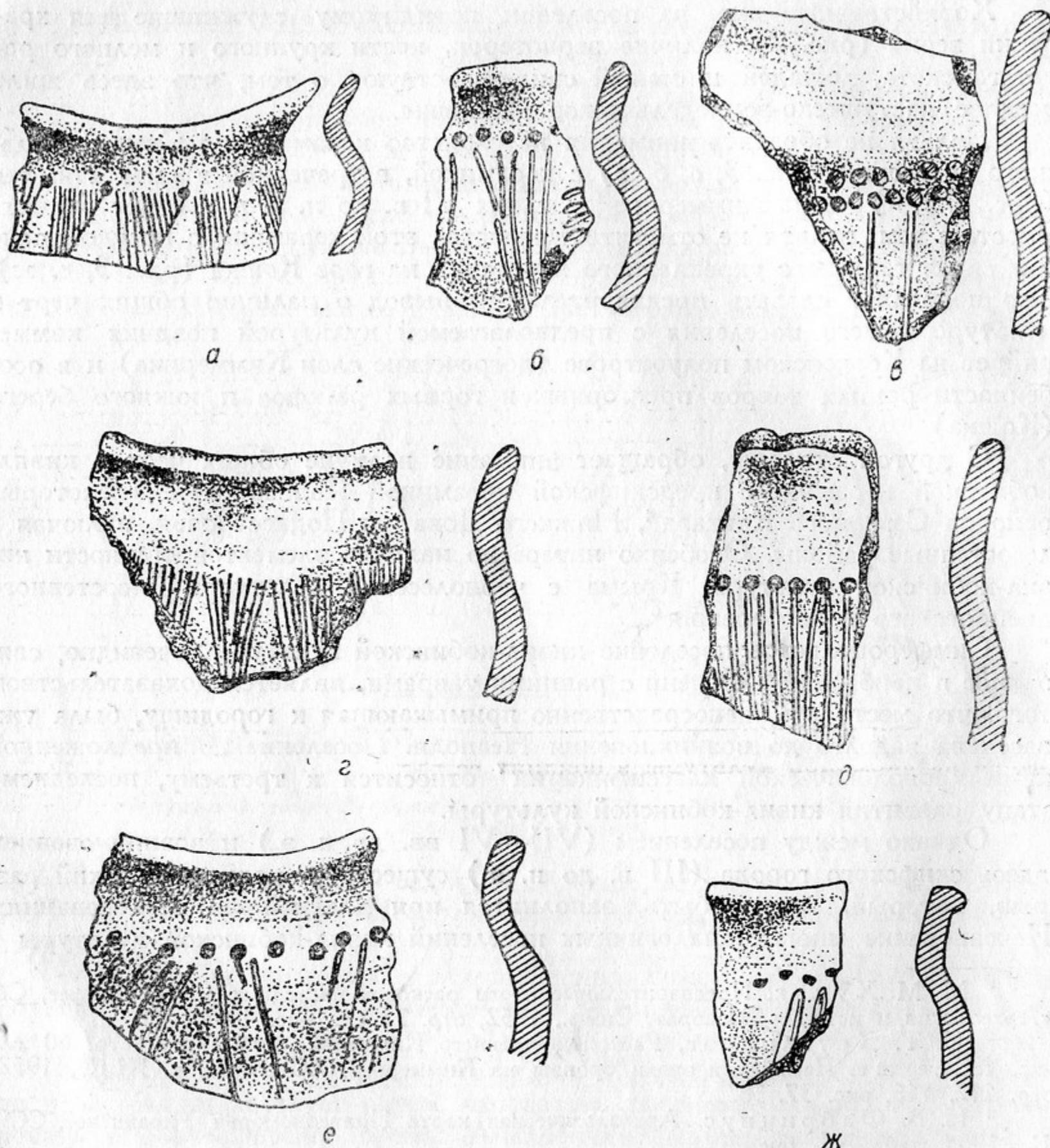

Рис. 3. Обломки лепных лощеных сосудов с резным орнаментом (VII—VI вв. до н. э.):
а, б, в — из Симферопольского поселения; г, д — из Нимфея; е, ж, — из ранних слоев таврского поселения на горе Кошка.

предгорьях и степях Крыма в раннескифский период, возможно, связано с двумя обстоятельствами: во-первых — и главное, с проникновением в Крым скифских кочевых скотоводческих племен; эти племена могли оттеснить «кизил-кобинцев» в горы и на южный берег, частично ассимилируя их, и прервать общность их культурно-исторического развития с доскиф-

скими местными племенами Поднепровья и Поднестровья; во-вторых, с частичным переходом пастушеско-земледельческого населения кизил-кобинской культуры на кочевые формы быта. Этот переход к кочевому скотоводству мог быть связан с ростом поголовья скота, развитием коневодства и средств передвижения, превращением скотоводства в основную форму хозяйства и необходимостью поиска новых пастьбищ и их смены в зависимости от времени года. Очень возможно, что выход части «кизил-кобинского» населения в степи был вызван, в первую очередь, ассимиляцией тех или иных его групп кочевыми скифскими племенами¹.

К сожалению, могильника, связанного с Симферопольским поселением, обнаружить пока не удалось. Может быть, к нему относились каменные ящики, находившиеся на Керменчике, у Симферополя², и впускные погребения с посудой кизил-кобинского типа в курганах долины Салгира³. В районах, примыкающих к Симферополю, да и на территории самого города встречаются остатки поселений, курганы и погребения эпохи бронзы, по времени предшествующие Симферопольскому поселению кизил-кобинской культуры⁴. Отметим, что на окраине Симферополя, в поселке Жигулина Роща, в конце 1951 г. В. Маликовым была исследована могила, близкая по своим формам катакомбным погребениям эпохи бронзы: положение костяка вытянутое, головой на северо-запад; у правого плеча — кости быка и бронзовый изогнутый однолезвийный нож⁵. Данное погребение свидетельствует о том, что формы катакомбных захоронений эпохи бронзы имели место в районах, примыкавших к территории Неаполя. Напомним, что керамика катакомбной культуры в поздних ее вариантах представлена в Крыму в доскифских слоях в Киммерии (на двух участках), в поселениях эпохи бронзы близ Чалки в Отузской долине, на Гераклейском полуострове (поселения № 62 и 68), в устье Салгира, на берегу Керченского пролива у д. Каменка, а также и в крымских курганах эпохи бронзы⁶. Что касается памятников периода поздней бронзы, то они представлены в окрестностях Симферополя коллекциями кремневых орудий и керамики, а также бронзовым кельтом, хранящимся в Областном краеведческом музее⁷. Археоло-

¹ Характерно, что в степях Крыма, в курганных погребениях VI—V вв. до н. э., встречаются сосуды с резным орнаментом, генетически связанные с керамикой кизил-кобинского типа (Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. Географического общества Союза ССР, в. 1, Симф., 1951, стр. 91; ее же, Скифские погребения в курганах Крыма, Автореф. канд. дисс., Симф., 1954, стр. 5 сл.).

² С. А. Семенов-Зусер, Таврские мегалиты, Харьков, 1940, стр. 140, прим. 3. Один из ящиков был раскопан Уваровым в 1853 г. (Пропилей, IV, стр. 526 сл.).

³ П. Н. Шульц, А. Д. Столляр, Курганы эпохи бронзы в долине Салгира, КСИИМК (печатается).

⁴ Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии, Симф., 1890, стр. 34 сл.; Архив ЛОИИМК, 1924, № 109.

⁵ Ближайшие аналогии ему дают ножи Трои середины II тысячелетия до н. э. (H. Schliemann, Ilios, Leipzig, 1881, стр. 566, рис. 965, 966).

⁶ П. Н. Шульц и А. Д. Столляр, Ук. соч.

⁷ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, РАНИОН, в. II, 1929, стр. 46 сл., табл. 1.

гическое обследование и раскопки на территории Симферопольского водохранилища в 1953—1954 гг. подтвердили сравнительную заселенность долины Салгира на территории, близкой к Неаполю, в периоды бронзы и начала железа¹.

Весь привлеченный материал позволяет сделать вывод о том, что скифы, проникшие в предгорья Крыма, в частности и в долину Салгира, застали здесь более или менее значительное, по преимуществу раннетаврское, оседлое население, занимавшееся пастушеством и земледелием.

ОСНОВНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ НЕАПОЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1945—1950 гг.

Раскопки последних лет показали, что Неаполь возник как город и был укреплен стеной еще в III в. до н. э. Находки конца IV в. попрежнему единичны. Для выяснения хронологии строительных периодов на исследованной территории у центральных городских ворот наиболее точные данные дает оборонительная стена. Древнейшая стена, в южном ее участке², имела сравнительно небольшую толщину в 2—2,5 м (рис. 4, и); сложена она из рваного камня; между внутренним и внешним панцирями забутована мелким камнем³ и известняковым щебнем от так называемой наскальной корки.

К этой древнейшей стене Неаполя⁴ относится камень с прямоугольным пазом для установки стояка от петлевых двустворчатых ворот, возникших здесь еще в III в. до н. э.⁵. К этому же времени (III в. до н. э.) относится древнейшее общественное сооружение с двумя выступами, может быть портиками, перед центральными городскими воротами. Датировка этого па-

¹ А. А. Щепинский, Археологические разведки в долине реки Салгира, Изв. Крым. отд. Географ. об-ва Союза ССР, в. 3, 1954.

² А. Н. Карасев, Раскопки Неаполя скифского в 1949 г., КСИИМК, в. XXXVII, стр. 163 сл., рис. 53, 1.

³ Близкие приемы дают стены скифских городищ Нижнего Днепра, в частности акрополь Каменского городища (Н. Н. Погребова, Раскопки Каменского городища в 1952—1953 гг., Тезисы доклада, прочтенного на VII конференции Института археологии АН УССР, Рукопись в архиве ИА АН УССР) и Гавриловского городища (К. А. Бредэ, Отчет о раскопках Гавриловского городища в 1950 г., Рукопись в архиве ИА АН УССР); его же, Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище, КСИА, в. 6, К., 1956, стр. 33—36.

⁴ Вопрос о генезисе скифской каменной фортификации с ее характерными строительными приемами еще не выяснен. Не решен вопрос, где раньше появились каменные оборонительные стены, в скифских ли укреплениях Днепра (акрополь Каменского городища) или же в Крыму. Не исключена возможность, что в процессах возникновения скифских каменных оборонительных сооружений в Крыму, помимо влияния греческой фортификации, сыграли известную роль таврские оборонительные стены, наиболее древние образцы которых представлены в раннетаврских укрепленных поселениях в Уч-Баше (IX—VIII вв.) и Таш-Джаргане. Особенности скифской фортификации и строительной техники (циклопический характер кладки из рваного камня на глине, сужение стен кверху, что приводит к наклону панцирей, система наращивания поясов) хорошо выяснены в приведенных выше работах А. Н. Карасева.

⁵ КСИИМК, в. XXXVII, стр. 164, рис. 54 а.

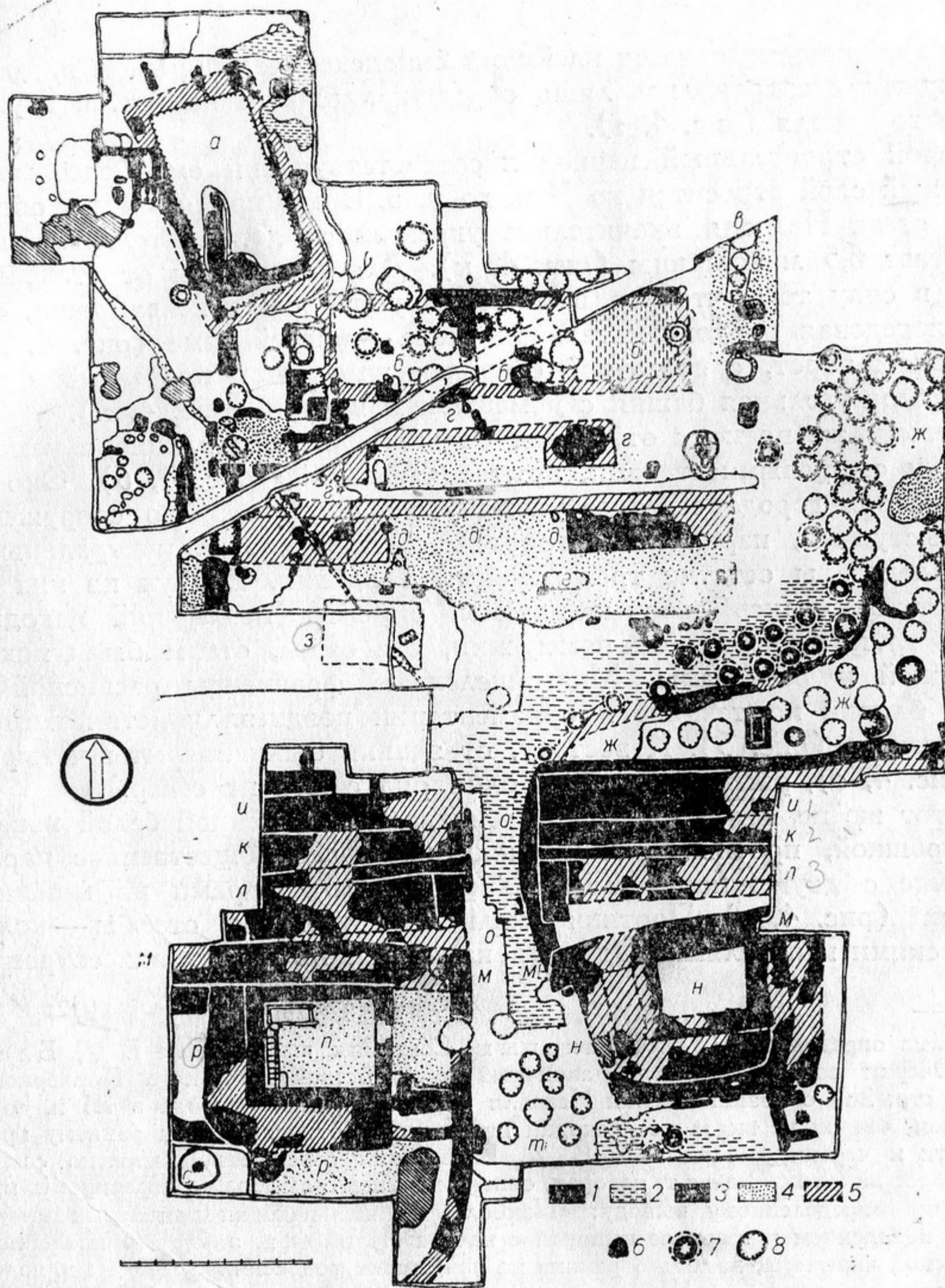

Рис. 4. Сводный план раскопок Неаполя у центральных ворот (1945—1950 гг.). Составлен А. Н. Карасевым:

а — здание с полуподвалом (III—II вв. до н. э.); б — остатки длинного здания с тремя помещениями (II в. до н. э.); в — пифосы; г — остатки общественного сооружения с портиками (III в. до н. э.); д — остатки общественного сооружения с портиками (II в. до н. э.); е — погребение аланского военачальника (рубеж II—III вв. н. э.); ж — зерновые ямы у центральных ворот (первые века нашей эры); з — следы траншей Бларамберга и Уварова; и — остатки стены I строительного периода (III в. до н. э.); к — остатки стены II строительного периода (II в. до н. э.); л — остатки III строительного периода (конец II в. до н. э.); м — «протейхизма», II — строительный период; н — восточная башня у центральных городских ворот (II в. до н. э.—II в. н. э.); о — пролет центральных городских ворот; п — мавзолей (конец II в. до н. э.); р — панцирная облицовка мавзолея (конец II или I в. до н. э.); с — основание юрты (III в. до н. э.); т — поздние зерновые ямы (III—IV вв. до н. э.); 1 — каменные кладки; 2 — вымостка из мелкого камня; 3 — завалы камня; 4 — вымостка из каменной крошки; 5 — границы выборки камня; 6 — печи и очаги; 7 — зерновые ямы; 8 — зерновые ямы с обрушившимися верхними частями.

мятника хорошо определяется клеймами синопской черепицы III в. до н. э.¹. От сооружения сохранились лишь обрывки кладок и выемки в грунте от выбранного цоколя (рис. 4, 2).

Второй строительный период и соответствующий ему более мощный культурный слой относится ко II в. до н. э. В это время южная оборонительная стена Неаполя значительно укрепляется дополнительным поясом и достигает 6,5 м толщины (рис. 4, к). Для ее защиты от стенобитных орудий, в силу того, что ров в скале вырубить было невозможно, сооружается передовая предохранительная стена — протейхизма (рис. 4, м). У центральных ворот, с восточной стороны, впритык к протейхизме возводится четырехугольная башня с помещением внутри (рис. 4, н).

К этому же времени относится большое длинное здание с каменным цоколем и сырцовыми стенами, крытое черепицей (рис. 4, б). Оно было расположено в городе севернее упомянутого общественного сооружения с двумя выступами, параллельно городской стене, против центральных ворот. Исследованы остатки трех помещений здания. В двух из них в северной стене имелись дверные проемы, в центре помещений находились очаги; в третьем, восточном помещении, без очага, стены были покрыты штукатуркой и расписаны. Многочисленные фрагменты расписной штукатурки близки по технике и орнаментации позднеэллинистическим росписям Боспора (рис. 5). К востоку, от здания были открыты четыре пифоса (рис. 4, в), расположенные в один ряд с юга на север.

В этот же период в городе, на площади, вымощенной белой известняковой крошкой, против ворот возводится второе общественное парадное сооружение с двумя портиками, облицованым квадрами из мшанкового известняка (рис. 4, д). Портики имели прямоугольные столбы — колонны с дорическими капителями. Одна из капителей из известняка сохранилась

¹ Клейма определены Б. Н. Граковым. Сомнения, высказанные В. Д. Блаватским («Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья», М., 1954, стр. 28) о возникновении Неаполя как укрепленного города в III в. до н. э., вызваны тем, что он не видел все находки из Неаполя, относящиеся к раннему времени, в частности и черепицу. При этом В. Д. Блаватский совершенно напрасно ссылается в этом вопросе на И. Б. Зеест, которая, ознакомившись с амфорами, черепицами, пришла к достаточно определенному выводу: «Наиболее ранние находки привозных предметов связаны с появлением в Неаполе импорта с начала III в. до н. э. Это группа синопской и херсонесской черепицы, наиболее ранние из найденных родосских клейм (III в. до н. э.)... Надо думать, что в начале III в. до н. э. Неаполь представлял собой значительный укрепленный город скифского государства...» (И. Б. Зеест, К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора, МИА, № 33, М., 1954, стр. 72). Ссылка у В. Д. Блаватского на Страбона (VII, 4, 7), считавшего, что Неаполь и другие упомянутые им скифские укрепления построил Скилур, вряд ли может служить доводом против возникновения Неаполя как города еще в III в. Скилур, несомненно, значительно укрепил Неаполь, что и явилось, очевидно, причиной суждений Страбона. На самом деле город возник, как показывает археологический материал, раньше. На необходимость внесения корректива в свидетельство Страбона справедливо указала Э. И. Соломоник в своей статье «О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья» (Сб. «Археология и история Боспора», Крымиздат, 1952, стр. 116).

(рис. 6, а). Судя по обломкам мраморных и бронзовых статуй (рис. 6, б, в) и других скульптурных изделий, известнякового рельефа и греческой надписи, обнаруженных около руин портиков, можно предполагать, что эти статуи и рельефы стояли в портиках¹. В восточном портике, очевидно, находилась небольшая статуя, от которой сохранился лишь обломок мраморного пьедестала с частью надписи, восстанавливаемой как посвящение Евмена Деметре² (рис. 6, г). У западного портика в 1950 г. обнаружен мраморный обломок кисти руки, судя по положению пальцев, державшей

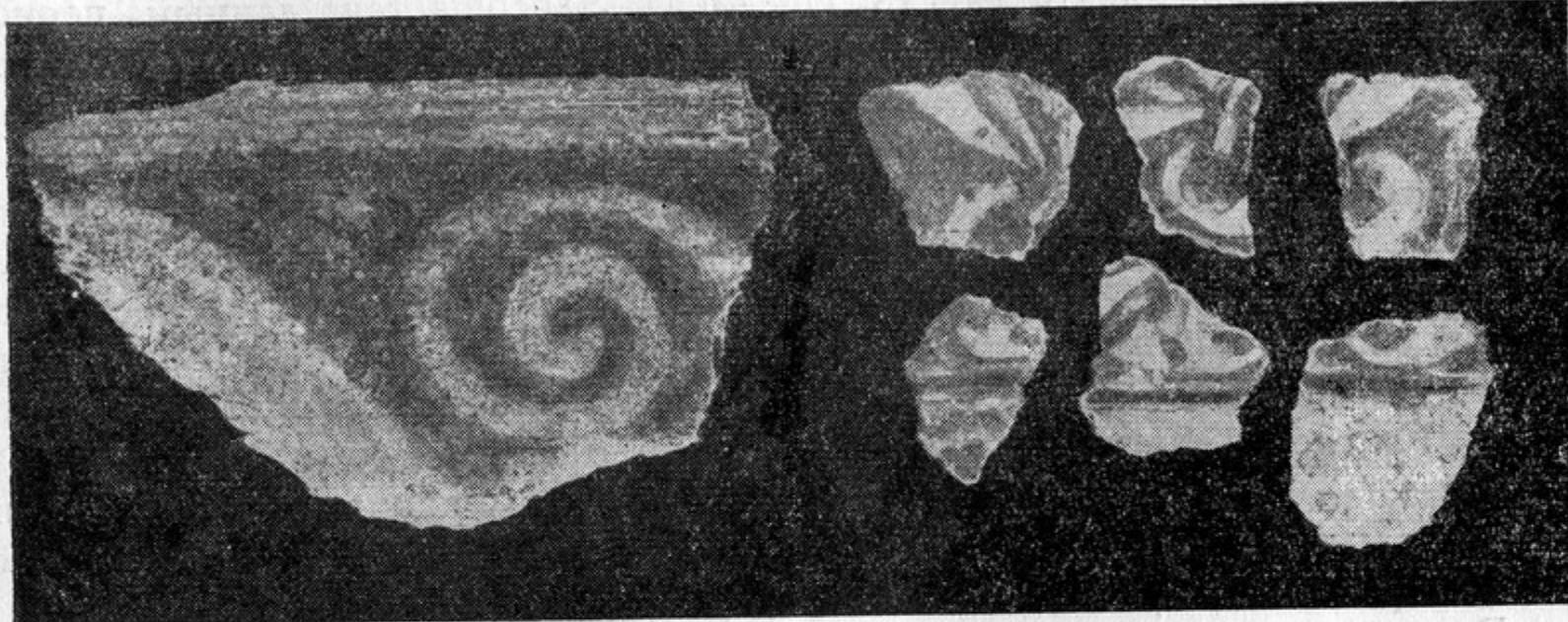

Рис. 5. Обломки расписной штукатурки из третьего помещения длинного здания (II в. до н. э.).

древко копья (рис. 6, в). Кисть принадлежала небольшой женской статуе греческой работы времени позднего эллинизма. Статуя, повидимому, воспроизводила Афину с копьем в руке. В непосредственном соседстве с западным портиком, к югу от него, проходила траншея, где в 1827 г. И. П. Бларамбергом были найдены надписи Посидея, в частности посвященные Афине Линдийской³. Здесь же в 1827 г. были обнаружены два рельефа, один из мрамора, другой из известняка, с изображениями скифских царей и пьедестал от статуи Скилура⁴. Очевидно, все эти памятники стояли именно в западном портике.

Таким образом, второе парадное общественное сооружение, существовавшее, судя по находкам, при Скилуре и Палаке, было обращено своим фасадом к центральным городским воротам и имело в архитектурном ансамбле данного участка города особое политическое и культовое назначение (статуи и рельефы с изображениями скифских царей, статуи божеств с посвятительными надписями и т. д.).

¹ Об этом в статье А. Н. Карабеева, КСИИМК, в. XLIX, стр. 82 сл.

² Э. И. Соломоник, ук. соч., стр. 120, рис. 5. Более подробное обоснование этого восстановления дано в рукописи Э. И. Соломоник, Эпиграфические памятники Несаполя скифского (Архив КФ АН УССР).

³ IosPE, 1², 1916, № 671, стр. 506.

⁴ IosPE, 1², 1916, № 668, стр. 504 сл.

К югу от портика, на расстоянии не более 25 м от него, за пределами стен города впритык к протейхизме был возведен мавзолей. Он был предназначен, по всей вероятности, для погребения в нем скифского царя, его родных и приближенных¹.

Второй строительный период, таким образом, исторически связан с временем деятельности Скилура и его отца. Имя отца Скилура, как предполагал В. В. Латышев, упоминалось, но не сохранилось в надписи на известняковой плите под статуей Скилура². К началу этого строительного периода относится и деятельность Посидея. Завершается данный период к концу царствования Скилура, когда после его смерти был сооружен мавзолей с каменной, повидимому, царской гробницей.

Третий строительный период относится к концу II в. до н. э., ко времени правления сына Скилура Палака и войн скифов с Херсонесом и понтийскими войсками, возглавленными полководцем Диофантом³. Стены Неаполя в это время, благодаря третьему поясу (рис. 4, л), достигают максимальной толщины (8,5 м). Башня укрепляется вторым панцирным поясом. Толщина ее стен достигает 4 м. В начале третьего строительного периода, может быть во время войн скифов с Херсонесом, мавзолей Неаполя с юга и запада также укрепляется мощным панцирным поясом из рваных камней и приобретает характер привратной башни, фланкирующей центральные ворота с западной стороны.

Второй и третий строительные периоды, таким образом, относятся к эпохе расцвета государства поздних скифов, когда Неаполь превратился в город-крепость, в резиденцию скифских царей, укрепленную мощными стенами и башнями.

К I в. до н. э. относятся слои, свидетельствующие о временном ослаблении строительной деятельности города после поражения, нанесенного скифам понтийскими войсками и Херсонесом. Четвертый и пятый строительные периоды, напротив, характеризуются вторичным усилением строительства (I и II вв. н. э.).

Восточная башня в это время укрепляется третьим и четвертым панцирными поясами. Стены ее достигают 5 м толщины. У пилона сооружаются новые двустворчатые дубовые ворота иной конструкции, чем древние, не на петлях, а на «пятах», опиравшихся на камни с «под пятниками»⁴. Пролет центральных ворот также перестраивается.

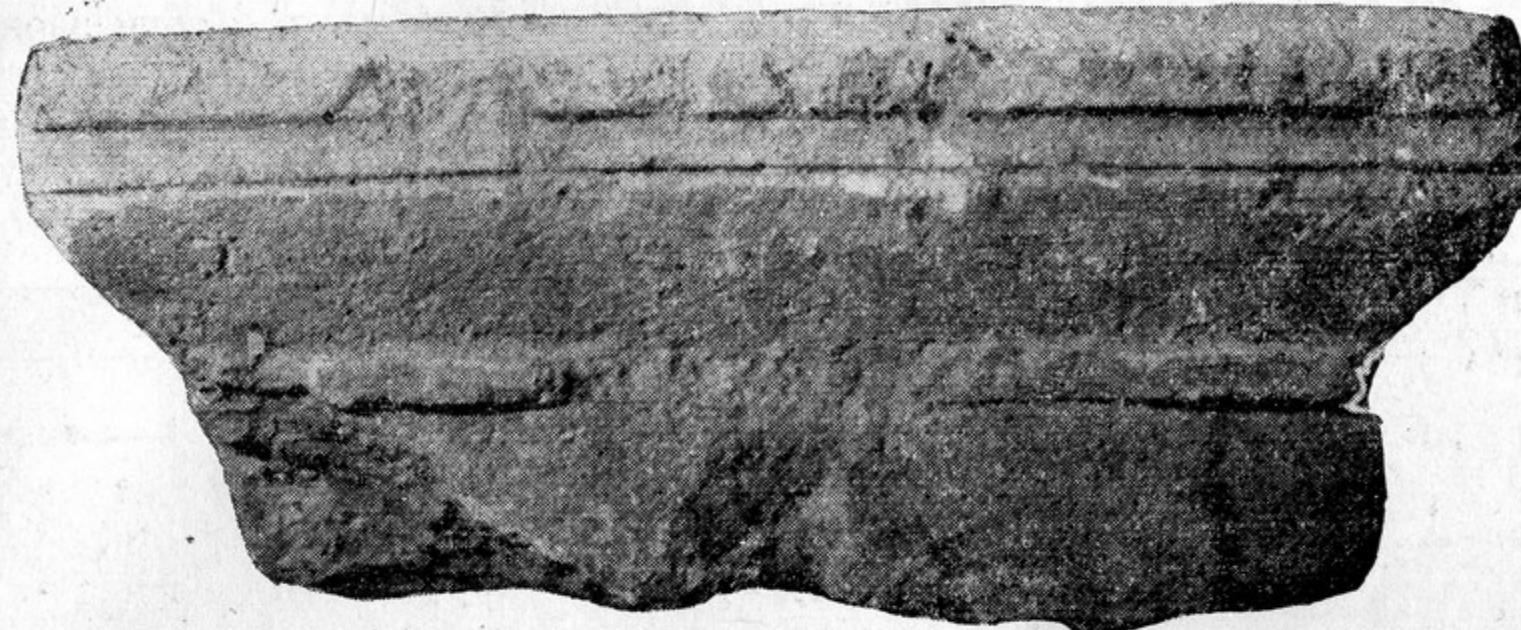
Вдоль улицы у городских стен создается крупное зернохранилище общественного характера (рис. 7). В раскопанном участке открыто 60 зер-

¹ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, Изд. «Искусство», М., 1953; Н. Н. Погребова, Находки в мавзолее Неаполя скифского. «Памятники искусства», № 2, М., 1947; ее же, Мавзолей Неаполя скифского, КСИИМК, в. XXI, 1947.

² IosPE, 1², 1916, № 668.

³ IosPE, 1², 1916, № 352.

⁴ П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1947 г., КСИИМК, в. XXVII, 1949, стр. 58, рис. 23 в.

а

б

в

г

Рис. 6. Найдки около общественного сооружения с портиками (II в. до н. э.):

а — дорическая капитель от прямоугольного столба. Известняк; *б* — фрагмент скульптуры. Волосы. Бронза; *в* — обломок кисти руки женской статуи. Мрамор; *г* — обломок пьедестала с надписью. Мрамор.

новых ям (рис. 4, ж), наиболее крупные из них вмещали до 4 тонн зерна. Это, повидимому, лишь небольшая часть пристенного зернохранилища¹.

Четвертый и пятый строительные периоды связаны со временем деятельности скифских царей Фарзоя и Инисмея, когда скифы вновь подошли

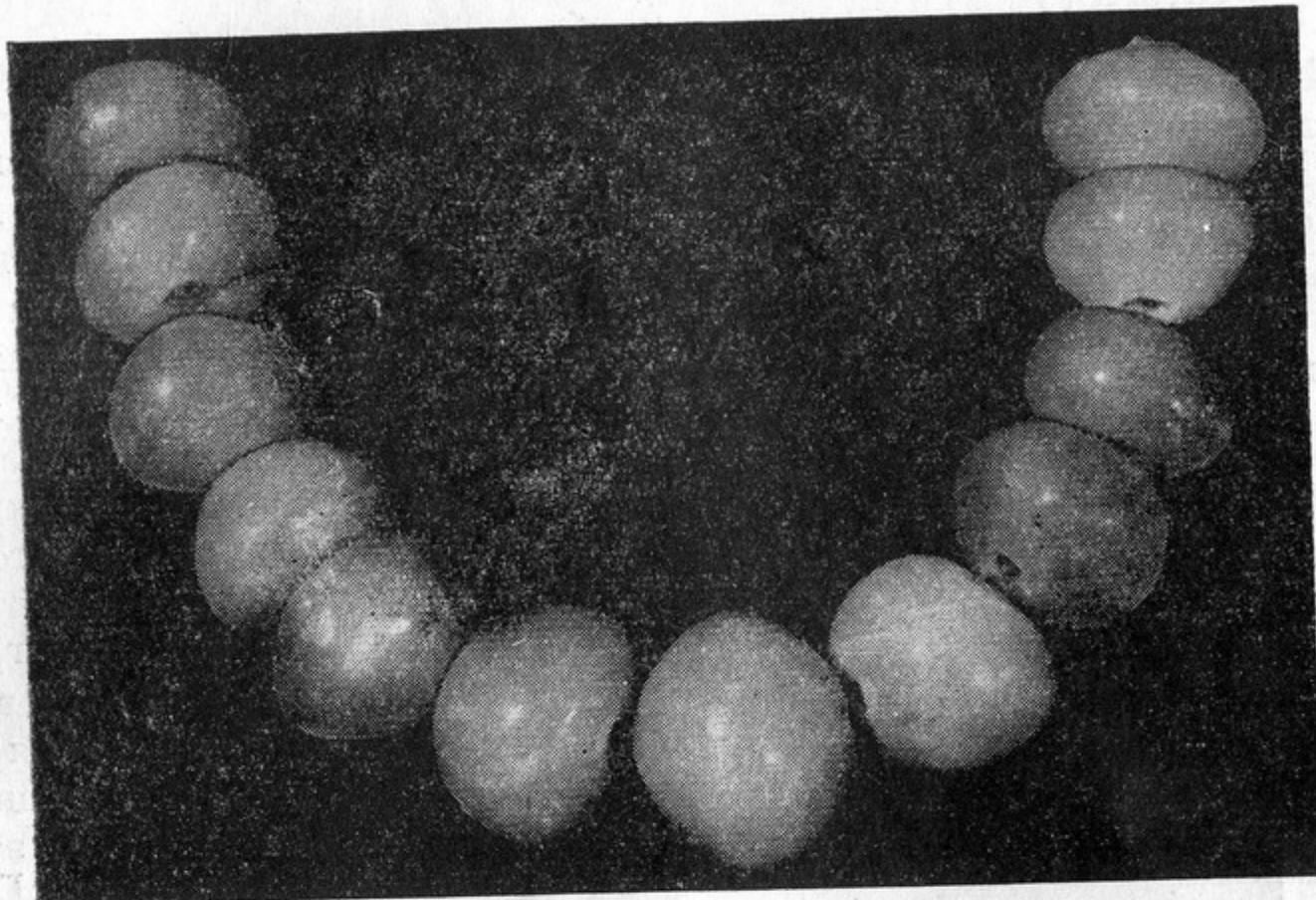

Рис. 7. Остатки зернохранилища у центральных городских ворот (первые века н. э.).

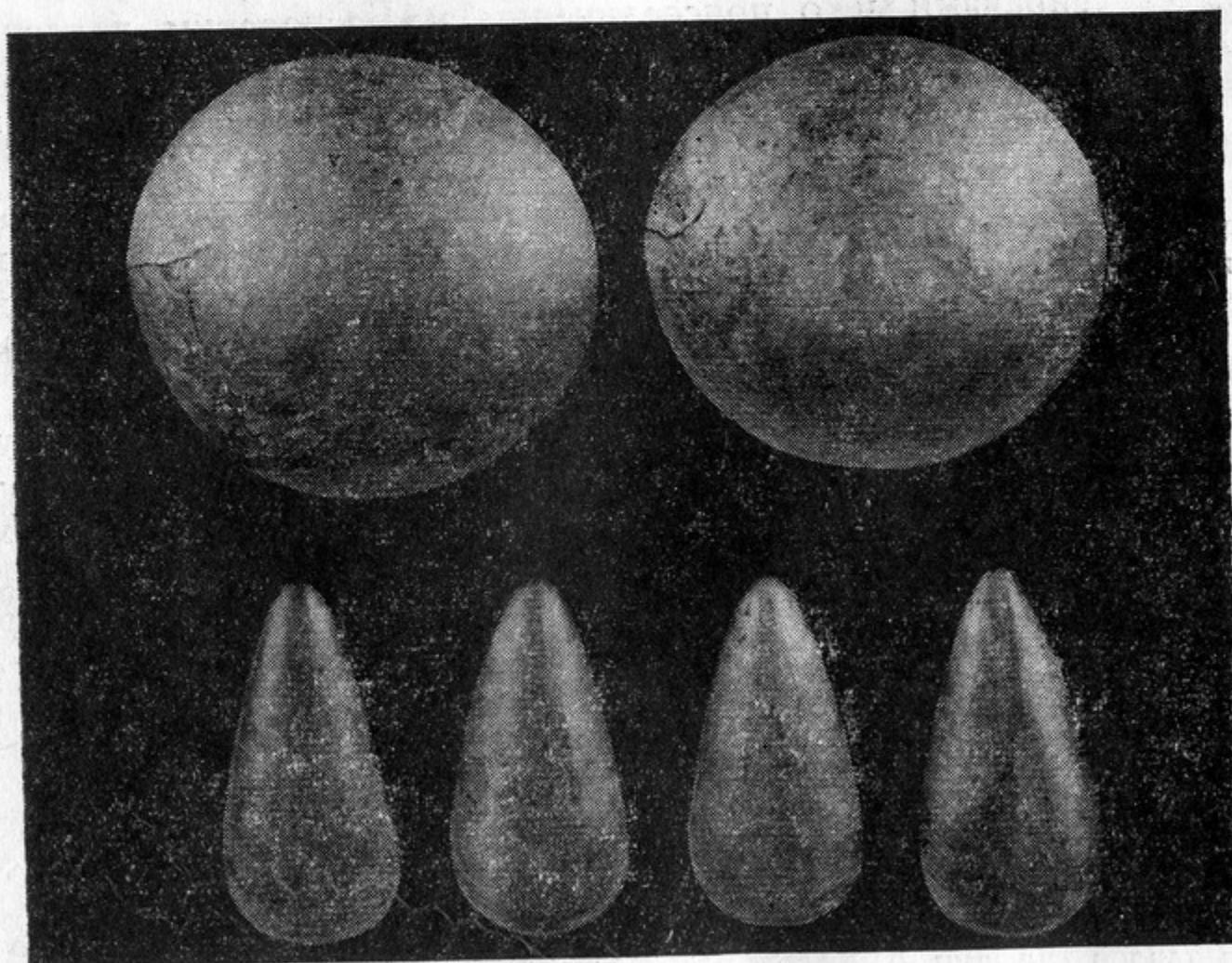
к стенам Херсонеса (шестидесятые годы I в. н. э.) и неоднократно угрожали Боспорскому царству (I—II вв. н. э.)². Это время вторичного расцвета

Крупный комплекс зерновых ям был встречен у восточного участка южной стены Неаполя при охранных раскопках на городище в 1926 г. (2-я конференция археологов СССР в Херсонесе, Севастополь, 1927, стр. 26 сл., рис. 11). Зерновые ямы у оборонительной стены встречены В. И. Гошкевичем при раскопках позднескифского городища близ с. Казацкое на Нижнем Днепре (ИАК, в. 47, стр. 118 сл., табл. V). Традиционный обычай создания зернохранилищ у городских стен наблюдается в Крыму и позже, в период раннего средневековья в так наз. пещерных городах Крыма, в частности в Эски-Кермене (ИГАИМК, т. XII, в. 1—8, стр. 129 сл., рис. 21).

¹ Об этом у Б. Н. Гракова. Термин «ζεύς αῖς» и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, в. XVI, 1947, стр. 87.

a

б

Рис. 8. Конский набор из могилы аланского военачальника (рубеж II—III вв. н. э.):
а — халцедоновые бусы; *б* — бронзовые бляхи, обтянутые золотой фольгой.

государства поздних скифов, когда были созданы в Неаполе замечательный склеп № 9 и другие склепы со стенной живописью.

Позднейшие слои относятся ко времени упадка города и усиленной сарматизации культуры его жителей (III—IV вв. н. э.), начало которой наметилось значительно раньше. Жилища этой поздней поры, как правило, крайне невелики и бедны. Они сооружены из мелкого рваного камня на грязи и из самана. К рубежу II и III вв. относится разрушение мавзолея и центральных ворот. Красноречивым свидетельством их последней защиты является каменный заклад, подпирающий в пролете створки дубовых ворот, от которых сохранились остатки дерева и крупные железные кованые гвозди. Именно в это тяжелое для Неаполя время на городской площади у ворот около разрушенного парадного здания было совершено погребение аланского военачальника и четырех коней. Здесь же в одной из зерновых ям был погребен мужчина с конем. Судя по положению костяка, труп мужчины был посажен в нишу, специально вырубленную для этой цели в стенке ямы. К этим же годам относится последняя из надписей Северного Причерноморья, упоминающая скифов (193 г. н. э.). Она найдена в Танайсе и рассказывает о победе Савромата II над скифами и сираками и о присоединении к Боспорским владениям Таврики¹. Сын Савромата II, царь Рискупорид III (211—227 гг.), именовал уже себя «царем всего Боспора и тавро-скифов»².

Рис. 9. Золотая подвеска в виде палицы Геракла, инкрустированная цветным стеклом (рубеж II—III вв. н. э.).

Чрезвычайно интересен конский убор, найденный в погребении аланского военачальника: железный налобник, покрытый золотом и позолоченный с изображением конских голов по сторонам острия и набор бронзовых блях, обтянутых листовым золотом, украшавших, очевидно, седло и чепрак (рис. 8, б). Совершенно аналогичные наборы обнаружены в разных районах Боспора, в Керчи и Анапе и характерны для погребений местной аланской знати³. В погребении находилось также 12 крупных халцедоновых бус (рис. 8, а) и золотая серьга с подвеской в виде палицы Геракла, инкрустированная цветным стеклом (рис. 9). Не исключена возможность, что могила аланского военачальника, захоронение коней и мужчины с конем в зерновой яме связаны с победами Савромата II над скифами⁴.

¹ IosPE, II, № 423.

² В. В. Шкорпил, Новонайденные боспорские надписи, ИАК, в. 63, стр. 112. Надпись свидетельствует, что в это время понятие «тавро-скифы» было не книжной выдумкой, но выражением реальной действительности, может быть, процессов ассимилирования тавров скифами.

³ ЗОО, т. I (1848), стр. 617 сл.; ДБК, т. II, СПб., 1854, табл. XXXI; Г. И. Спасский, Босфор Киммерийский, М., 1846, стр. 144 сл.; ОАК за 1881 г., стр. IV сл.; ЗОО, т. XXI (1892), стр. 271 сл., табл. Б.

⁴ Характерно, что именно в это время увеличивается ввоз боспорских гончарных изделий в Неаполь (И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 76).

Экономический, политический и культурный упадок города в III—IV вв., ярко отразившийся в археологических памятниках, подготовил его гибель в IV в., может быть, связанную с нашествием в Крым гуннов¹.

К раннему средневековью относятся отдельные черепки посуды салтово-маяцкого (тепсеньского) типа, найденные в Неаполе на различных

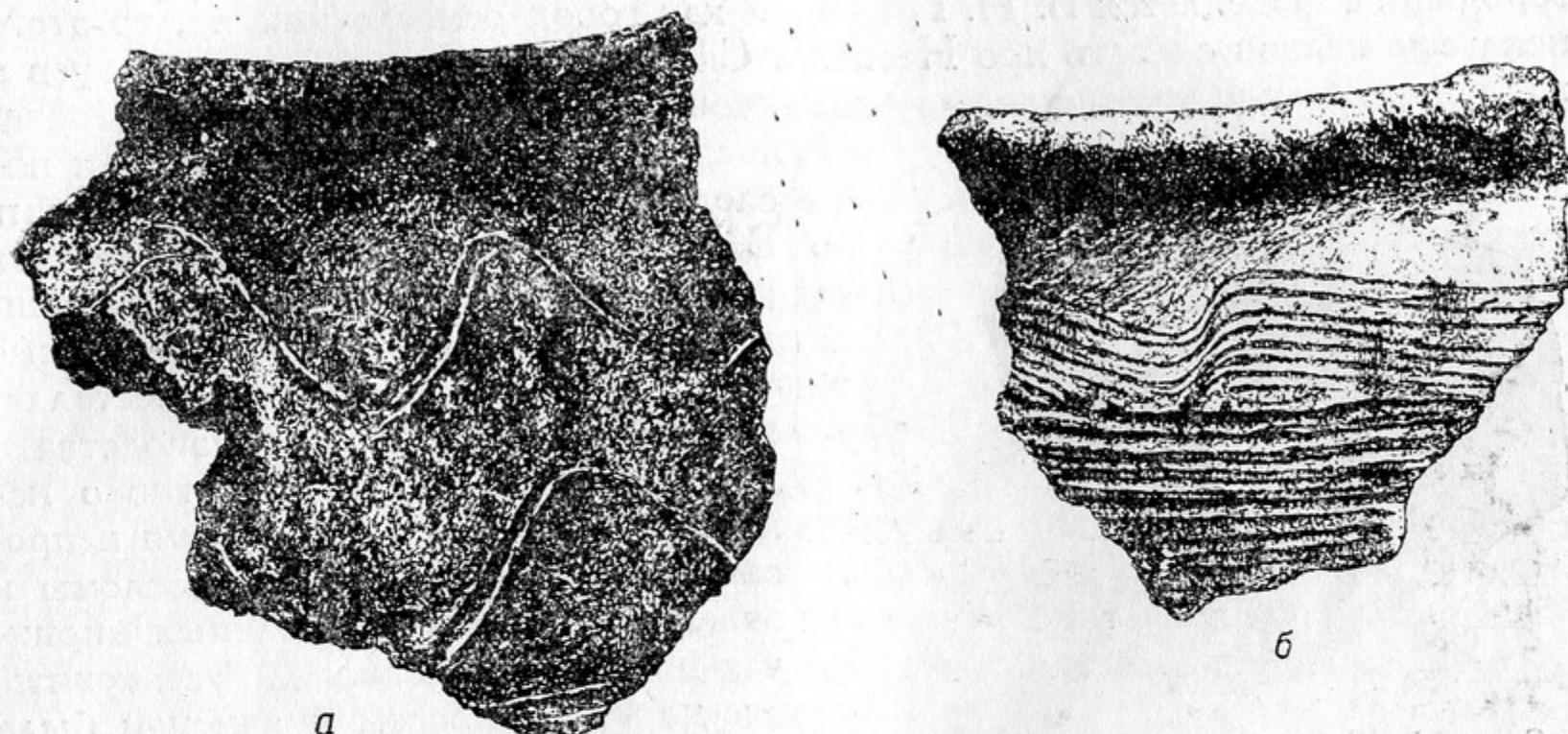

Рис. 10. Обломки горшков салтово-маяцкого типа (VII—X вв.) из Неаполя.
(а) и долины Салгира (б).

участках города и некрополя (рис. 10), а также в поселении этой культуры, обнаруженному поблизости в долине Салгира². Признаков культурных слоев средневекового поселения на территории городища пока не замечено.

¹ Предположение В. В. Кропоткина о том, что гибель Неаполя относится к III в. до н. э. и связана с проникновением готских дружин в Крым («Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья», Автореферат диссертации, М., 1953, стр. 12), мало вероятно, так как в Неаполе и в других скифских городищах Крыма найдено немало вещей, в частности амфор и поздних краснолаковых сосудов IV в. н. э. Охранные раскопки Неаполя в 1954 г. дали значительное количество обломков амфор IV в. Аналогичные амфоры того же времени найдены и в других скифских городищах Крыма, в частности при раскопках городища близ с. Заветное (Альма-Кермен), произведенных Е. В. Веймарном в 1954 г. К сожалению, И. Б. Зеест не смогла еще ознакомиться с этим новым материалом, чем и вызвано отсутствие в ее статье упоминаний о наиболее поздних амфорах IV в. О. Д. Дащевская присоединилась к ошибочному предположению В. В. Кропоткина о том, что якобы готы окончательно разрушили Неаполь и другие скифские поселения Крыма (О. Д. Дащевская, ук. соч., стр. 15). Материалы Неаполя и других скифских городищ Крыма опровергают это предположение. В наибольшей степени исследованные скифские города и укрепления Крыма (Неаполь, Альма-Кермен) прекратили свое существование в IV в. н. э.

² А. А. Щепинский, Археологические разведки в долине Салгира, Изв. Крым. отд. Географ. о-ва Союза ССР, в. 3, 1954, стр. 90.

ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПОЗДНИХ СКИФОВ ПО ДАННЫМ РАСКОПОК НЕАПОЛЯ

Основой хозяйства поздних скифов, в том числе и жителей Неаполя, судя по раскопкам, было земледелие и скотоводство, при этом земледелию принадлежала решающая, главная роль. Если Каменское скифское городище определяется Б. Н. Граковым как город ремесленников¹, то этого пока еще нельзя сказать про Неаполь. Скорее, это город землевладельцев и владельцев стад, торговцев, дружинников; здесь, конечно, концентрировались и ремесленники, но вряд ли последние количественно доминировали.

В Неаполе еще не встречено остатков ремесленных мастерских, на наличие таковых указывают лишь отдельные находки (шлак, лячки для металла, отходы керамического производства и др.). Из литературы известно о находках зерен пшеницы, ячменя и проса². Исследование остатков соломы и отпечатков зерна в саманных кирпичах из Неаполя позволило установить, что наряду с просом и ячменем была распространена полба-двузернянка³. Раскопками Е. В. Веймарна на скифском городище близ с. Заветное в

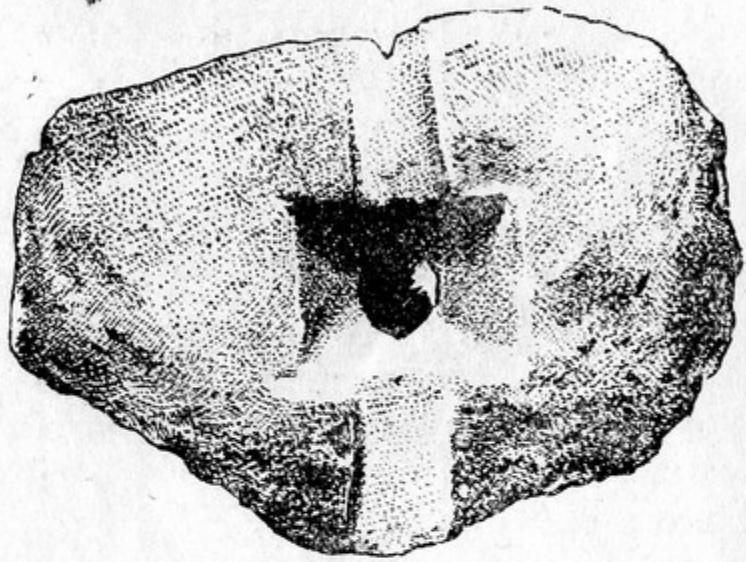

Рис. 11. Прямоугольный верхний жернов-толкач из Неаполя.

1954 г. в зерновых ямах также обнаружены остатки пшеницы, ячменя и проса.

Размол зерна производился жерновами-толкачами (образцами для них послужили греческие жернова) и зернотерками местного типа. В отличие от греческих прямоугольных жерновов-толкачей скифские имеют обычно неправильные очертания (рис. 11). На территории Неаполя обнаружены остатки высеченной в скале давильни для винограда. Найденные в культурном слое угли от виноградной лозы позволяют предполагать, что в окрестностях города разводился виноград, а в самом городе имело место виноделие⁴.

В составе стада, судя по преобладающему количеству среди остеологического материала костей лошади, ведущая роль принадлежала конскому поголовью. В своей содержательной работе о домашних и диких живот-

¹ Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, № 36, М., 1954, стр. 115, сл.; его же, Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, в. XXII, стр. 43; Материалы к Всесоюезному археологическому совещанию, М., 1944, стр. 49.

² А. И. Маркевич, К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя, ИТОИАЭ, т. III, 1929, стр. 8, 14.

³ Исследования самана произведены научным сотрудником отдела ботаники Крымского филиала АН УССР А. Г. Ильиной.

⁴ Об этом в работе Н. А. Троцкого, Растительный покров Неаполя скифского (Рукопись в архиве КФ АН УССР).

ных по костным остаткам из Неаполя скифского В. И. Цалкин¹ дает следующие процентные соотношения количества костей для различных видов животных: лошадь — 38,4%; мелкий рогатый скот — 29,4%; крупный рогатый скот — 25,1%; свинья — 7,0%; осел — 0,1%.

Совершенно другие соотношения, приведенные в той же работе, дает костный материал из столицы Боспора Пантикея. На Боспоре костей лошади значительно меньше, чем костей крупного и мелкого рогатого скота².

Это различие соотношений связано, вероятно, с тремя обстоятельствами: 1) мясо лошадей широко употреблялось скифами в пищу, чего не было в сбыче у греков; 2) часть населения Неаполя, очевидно, образовалась из скотоводов-кочевников (у них было развито коневодство), перешедших на оседлый образ жизни; 3) Неаполь являлся городом-крепостью, в котором концентрировались конные дружины и скифская знать, владевшая боевыми конями.

Малый процент костей диких животных свидетельствует о том, что охота для жителей Неаполя утратила значение общераспространенного промысла и превратилась по преимуществу в спортивную забаву знати³.

У поздних скифов, насколько позволяют судить материалы как Неаполя, так и другого скифского городища близ совхоза «Красный», завершился процесс отделения ремесла от земледелия. Наиболее интересны в этом отношении остатки гончарных печей на скифском городище «Красное», исследованные О. И. Домбровским⁴.

Эти печи принадлежали гончарной мастерской, повидимому, I в. н. э., что свидетельствует о процессах выделения гончарного ремесла у поздних скифов в самостоятельную отрасль производства. В печи обжигалась посуда скифских форм, выполненная на круге, явно производившаяся на сбыт⁵.

¹ В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные из скифского Неаполя, СА, XX, 1954.

² В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 98; О костных остатках животных в Мирамии и Тиритаке, см. В. Ф. Гайдукевич, МИА, № 25, 1952, стр. 220.

³ В. И. Цалкин, Новые данные к истории фауны Крыма, ДАН, т. LIX, № 3, 1948, стр. 605 сл.

⁴ Советский Крым, № 2, 1946, стр. 107, рис. 1—3; О. И. Домбровский, Керамическая печь на скифском городище «Красное», в настоящем сборнике.

⁵ О. Д. Дашевская пишет, что применение крымскими скифами гончарного круга якобы «не подтверждается изучением керамики» (ук. соч., стр. 10). Эта ошибка связана с тем, что О. Д. Дашевская не имела возможности ознакомиться с материалами раскопок на городище «Красное» 1945 г., в частности с обломками скифских сосудов, выполненных на круге с характерными налепными ручками. Скифские чаши и другие сосуды, выполненные на круге, встречались в скифских курганах Крыма (Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, стр. 92; ее же, Скифские погребения в курганах Крыма, стр. 14 сл.). Т. Н. Троицкая справедливо подчеркнула, что все эти находки являются «подтверждением наличия у скифов в это время развитого гончарного ремесла» (стр. 92). Признаки гончарных печей обнаружены и на скифском городище в устье Альмы. Местная посуда, выполненная на круге, встречалась в небольшом количестве при раскопках Неаполя, в частности в 1950 г. В 1951 г. О. Д. Дашевская, доследуя раскоп О. И. Домбровского на городище «Красное», также обнаружила скифский сосуд, выполненный на гончарном круге. Следует, однако, отметить, что образцов позднескифской гончарной посуды в Крыму найдено еще мало.

Все более и более широкое применение железа и пашенного земледелия, переход от простых и составных орудий к сложным, от лепки посуды вручную к гончарному кругу, от применения зернотерки к жернову, от примитивных глиняных сооружений — юрт и землянок — к сооружениям из сырца и камня, от кладок из рваного камня к постройкам из отесанных квадров, от земляных и соломенных крыш к покрытию из черепицы, от земляных валов и рвов к каменным стенам с башнями — свидетельствуют о завершении того переворота в производстве, который способствовал укреплению и расцвету позднескифского государства.

Возникновение у скифов элементов товарного производства, явившееся результатом роста производительных сил и разделения труда между земледелием и скотоводством, а затем между земледелием и ремеслом и соответственного перехода от домашних форм ремесла к ремеслу, произошедшему на сбыт, сопровождалось в условиях позднескифского государства ростом не только внешней, но и внутренней торговли.

Судя по находкам в Неаполе античных монет, сильно потертых, с признаками длительного хождения¹, а также и по чеканке в Ольвии монет с изображениями скифских царей — натуральный обмен, продолжавший еще преобладать у поздних скифов, начал дополняться денежным обращением.

В Неаполе и его окрестностях обнаружены монеты от эллинистического времени до начала III в. н. э.² (рис. 12). Монеты IV в. н. э. пока не встречены.

Несколько античных монет найдено в Альминском приморском скифском городище, из них одна херсонесская (второй половины II—первой половины III в. н. э.) и одна римская времени Адриана. Остальные еще не определены. Римские и херсонесские монеты II—III вв. найдены Е. В. Веймарном на скифском городище Альма-Кермен близ с. Заветное в 1954 г.

Монет собственной скифской чеканки в Неаполе пока не обнаружено, следовательно, здесь имело место еще слабо развитое денежное обращение с использованием чужих монет³. Любопытно, что в Неаполе ольвийских монет пока не найдено, тогда как монеты Херсонеса и Боспора встречались. Надо заметить, что и на скифских городищах и селищах Нижнего Приднепровья монеты встречаются крайне редко⁴.

Торговля поздних скифов осуществлялась, вероятно, в основном путем натурального обмена, через посредничество Ольвии, Херсонеса и Боспора. Кроме того, по западному и северо-западному побережью Крыма имелись, помимо Керкинитиды и Калос-Лимена, скифские приморские го-

¹ Л. П. Харко, Монеты, найденные в Неаполе скифском, Рукопись в архиве КФ АН УССР; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, стр. 30, рис. 15.

² ИТУАК, № 7, 1887, стр. 47; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, стр. 30, рис. 15; О. Д. Дашевская, Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского, ВДИ, № 2, 1951, стр. 135, рис. 5; ОАК, 1890, стр. 124 и 148—149; Архив ЛОИИМК, 1890, № 174, л. 1—2; В. В. Кропоткин, Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР, ВДИ, № 3, 1954, стр. 162.

³ Это обстоятельство подчеркнуто в упомянутой работе Л. П. Харко.

⁴ Б. Н. Граков, Каменское городище, стр. 145 сл., табл. VIII, стр. 235.

рода и укрепления, наиболее крупным из которых является Альминское, в устье реки Альмы¹. Во II в. до н. э. и в первых веках нашей эры города Керкинитида и Калос-Лимен, прежде зависимые от Херсонеса, находились уже в руках скифов²; в это же время Ольвия, как об этом свидетельствует

Рис. 12. Поздние монеты из Неаполя:

а — денарий Септимия Севера из земляного склепа, б — бронзовая херсонесская монета из жилых кварталов (конец II — III в. н. э.).

стует чеканка в ней монет с изображениями Скилура, Фарзоя и Инисмая, была также зависима от скифского государства³. Поэтому торговля поздних скифов, вероятно, осуществлялась не только через греческие, но и

¹ Советский Крым, № 5, 1947, стр. 66 сл.

² Об этом свидетельствуют декрет в честь Диофанта (IosPE, 1², № 352), а также данные Арриана (Перипл Понта Евксинского, § 30, 31).

³ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 137, табл. XXXIII, 22—28.

через скифские и зависимые от скифов приморские пункты, куда, минуя Херсонес и Пантикопей, греческие купцы могли привозить свои товары.

Особенно интенсивно в III и II вв. до н. э. шла торговля с Родосом, на что указывает значительное количество найденных в Неаполе амфорных ручек с родосскими клеймами. Последние преобладают среди обнаруженных здесь клейм¹. Встречаются в Неаполе черепицы с синопскими клеймами; херсонесской черепицы значительно меньше. На амфорных ручках, найденных в Неаполе, имеются в небольшом количестве клейма кидиские, косские, синопские, херсонесские. Обломков амфор с двустольными ручками без клейм, косских, херсонесских и других довольно много. Обломков чернолаковой посуды раннеэллинистического времени очень мало. Чаще встречаются так называемые мегарские чашки, значительно больше краснолаковой керамики первых веков нашей эры. Среди привозной керамики безусловно доминируют остродонные амфоры, что говорит о широком ввозе вина и оливкового масла². Довольно много разнообразных херсонесских сосудов. Привоз боспорской керамики значительно увеличивается во II—III вв. н. э.

Археологические материалы наглядно иллюстрируют имущественное и социальное расслоение среди жителей города. Об этом свидетельствуют контрасты между богатыми каменными, крытыми черепицей домами Неаполя со следами стенной росписи — с одной стороны, и маленькими бедными полуземлянками и юртами — с другой. Не менее ярко это выражено и в некрополе. Наиболее богатые погребения обнаружены в мавзолее. В фамильных вырубленных в скале склепах, иногда со стенной росписью, также хоронили знатных, что подтверждается наличием около склепов, как и в мавзолее, конских захоронений. К сожалению, все каменные склепы оказались разграбленными. В земляных склепах и, в особенности, в подбойных грунтовых могилах хоронили рядовое население³. Характерной чертой этих погребений, в отличие от погребений мавзолея, является отсутствие, за единственным исключением, оружия в мужских захоронениях.

К сожалению, ни археологический материал, ни письменные источники не дают еще возможности решить вопрос о классовой структуре и об основных формах эксплуатации у поздних скифов. Неясен еще и характер политического устройства скифского государства с центром в Крыму. Мы не знаем, какими способами присваивалось зерно правящими классами у скифского земледельческого населения, как создавались те запасы, которые концентрировались в зернохранилищах скифской столицы: являлась ли таким способом дань, собираемая государством, или же форма крупного землевладения с порабощением сельских общинников, или же, наконец,

¹ И. Б. Зеест, К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора, МИА, № 33, 1954, стр. 72 сл.

² И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 71 сл.

³ В. П. Бабенчиков, Новый участок некрополя Неаполя скифского, ВДИ, № 1, 1949, стр. 111 сл.; его же, статья в настоящем сборнике.

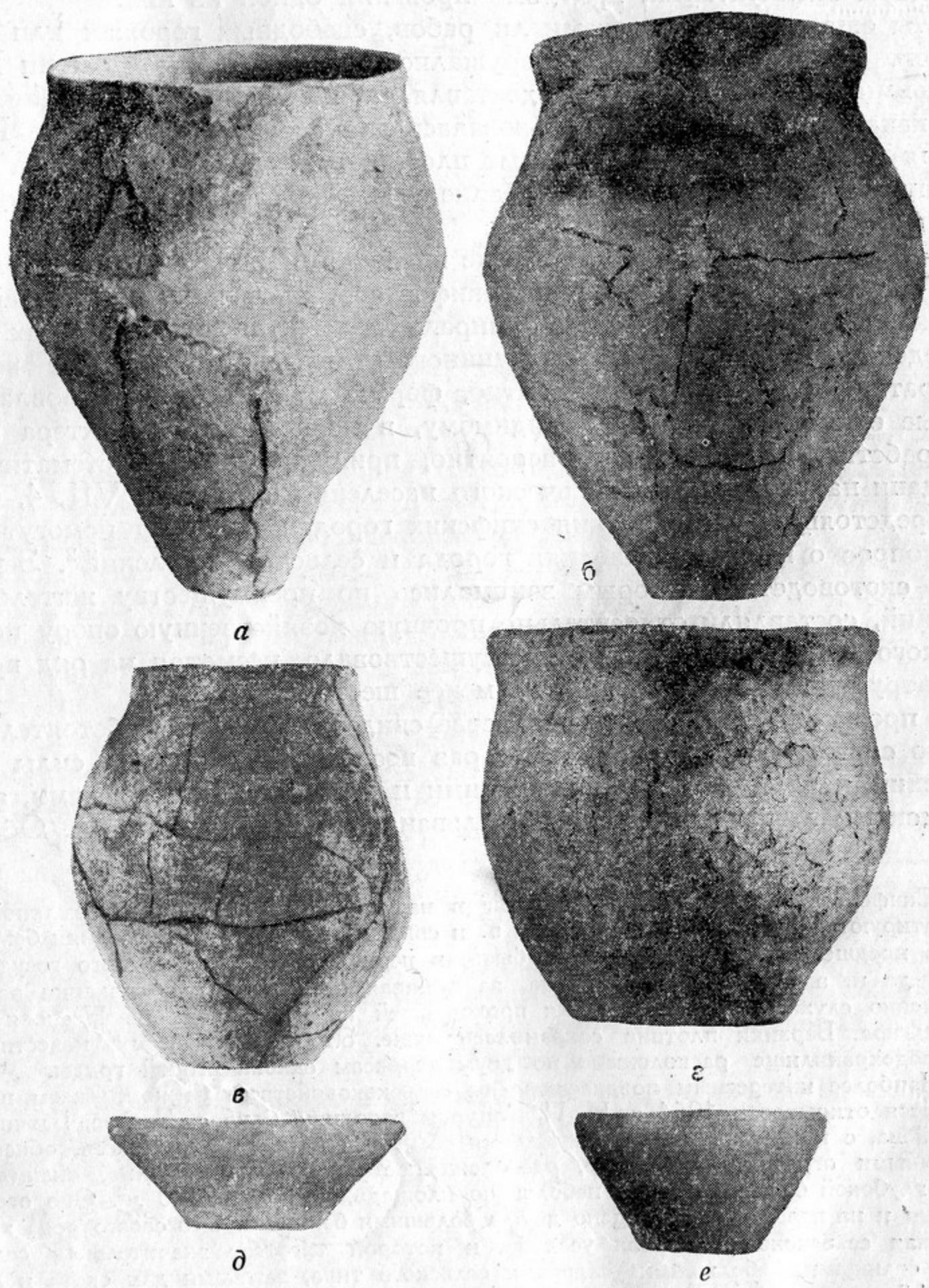

Рис. 13. Лепные сосуды из Неаполя:

а — большой горшок из жилого комплекса (первые века нашей эры), *б* — большой горшок из жилого комплекса (II—III вв. н. э.), *в* — горшок (первые века нашей эры), *г* — горшок (I—II вв. н. э.), *д*, *е* — чашки (последние века до нашей эры).

использование рабов для обработки земли. Возможно и сосуществование этих форм эксплуатации, при доминировании одной из них.

Мы еще не знаем, руками ли рабов, свободных горожан или подневольного сельского населения сооружались мощные стены и башни Неаполя, чьими руками ломался и доставлялся камень для возведения этих стен, какая рабочая сила использовалась для сооружения в конце I тысячелетия до н. э. крупных земляных плотин, запруд для устройства расположенных террасами водоемов в балке у юго-восточной окраины скифской столицы¹.

Решение всех этих вопросов еще впереди. Можно лишь предполагать, что в общественном строе поздних скифов сосуществовали по крайней мере три уклада: преодолевались и отмирали пережитки общественных форм, унаследованных от первобытно-общинного строя, в частности, от военной демократии, доминировали, вероятно, формы примитивного рабовладения, которые еще не приобрели, повидимому, в полной мере характера античного рабства, и имел место, вероятно, принудительный систематический сбор дани натурой у земледельческого населения (Страбон, VII, 4, 6).

Предстоящие исследования скифских городищ и селищ помогут уточнить вопрос о взаимоотношениях города и сельских поселений². Земледелие и скотоводство, которым занимались по преимуществу жители этих поселений, составляли относительно прочную хозяйственную опору позднескифского государства, которое просуществовало, несмотря на ряд временных затруднений и поражений, не менее шести веков³.

О прочности скифского государства свидетельствует то обстоятельство, что оно сравнительно быстро и не раз восстанавливало свои силы после поражений, нанесенных ему понтийскими и херсонесскими войсками, а позже римскими легионами Плавтия Сильвана и войсками Боспора. Об этом

¹ Скифские погребения, обнаруженные в насыпи средней, основной земляной плотины, датируются I в. до н. э. — III в. н. э. и свидетельствуют, что последняя была возведена в предшествующие века, может быть, в период расцвета скифского государства во II в. до н. э. Центральная плотина, задерживая сток воды для создания водоема, одновременно служила основанием для проходившей по ней дороги из Неаполя в долину Салгира. Верхняя плотина сохранилась хуже. Это древнейшее из известных в Крыму водохранилище расположено по двум террасам склона второй гряды.

² Наиболее интересным позднескифским сельскохозяйственным комплексом в Крыму является открытое в 1954 г. Н. П. Кацуром городище близ с. Заячье, Бахчисарайского района, с прилегающими к нему двумя селищами и полями-делянками, обнесенными каменными оградами. Городище, расположенное на скалистом холме, окаймленном изгибом глубокой балки, занимает небольшую площадь, не более 2500 м². Оно ограждено стенами и на перешейке защищено двумя большими башнями. Это своего рода хорошо укрепленная сельскохозяйственная усадьба, к которой тяготеет значительная сельская округа с селищами, небольшими усадьбами сельского типа, загонами для скота и делянками полей.

³ Предположение П. Н. Третьякова (ВИ, № 10, 1950, стр. 17) о том, что скифское государство по своему типу приближалось к непрочным военно-административным объединениям древности и средневековья (в частности конгломератным империям Кира и Александра), нам представляется неправильным. Справедливые замечания по этому вопросу сделаны Б. Н. Граковым (см. Каменское городище, МИА, № 36, 1954, стр. 31).

говорит также непрерывность культурных наслоений Неаполя, в которых мы не видим признаков катастрофических разрушений даже для времени диофантовых войн. Напротив, процесс культурно-исторического развития города поражает своей органичностью и отсутствием резких переломов в изменениях его культурного облика от блестящей поры Скилуре, с характерными для этого времени эллинистическими влияниями, к поздней поре, когда печать сарматизации сказалась в обиходе жителей, в частности, в погребальном обряде и инвентаре¹. Характерно, что лепная керамика, образующая основной фонд археологических материалов Неаполя и других скифских городищ Крыма на протяжении многих веков, сохраняет позднескифский характер (рис. 13), хотя и имеет, в особенности в первые века нашей эры, примесь сарматских черт.

НЕАПОЛЬ КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ

Длительное экономическое и государственное развитие скифских племен на территории Северного Причерноморья, включая и Крым, сопровождалось не только формированием скифской народности, но и расцветом скифской культуры, вступившей в новый этап своего развития. Культура поздних скифов, как в районах Нижнего Днепра, где по его берегам возникли многочисленные скифские города и укрепления, образовавшие своего рода западную линию обороны позднескифского государства (рис. 1), так и в центре «Малой Скифии» Страбона, то есть и в Крыму, находилась в тесной взаимосвязи с античной цивилизацией греческих городов Северного Причерноморья, в частности Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, испытывая на себе ее влияние. Это сказалось наиболее ярко в использовании в скифском государстве греческой письменности для мемориальных надписей на греческом языке под статуями и на надгробиях, для посреднических надписей и других памятников². Но на монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея, чеканенных в Ольвии (по А. Н. Зографу, конец I — начало II в. н. э.), наряду с греческими легендами, в отдельных случаях применялись так называемые скифо-сарматские знаки, может быть в данном примере, знаки царского рода, к которому принадлежал изображенный³. Сходные по характеру знаки встречаются и на скифских надгробиях Крыма и Нижнего Днепра, в частности, на надгробиях со скифского городища близ совхоза «Красный» (рис. 14, а, г) и из Козырок⁴. Встречены они в предгорьях Крыма, например, на стене вырубного склепа около скиф-

¹ П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, стр. 44 сл.

² IosPE, 1², 1916, № 668—673; Э. И. Соломоник, Эпиграфические памятники Неаполя скифского, Рукопись в архиве КФ АН УССР.

³ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 137 сл., табл. XXXIII, 22—28.

⁴ ОАК, 1909—1910, стр. 100, рис. 145; В. И. Гошкевич, Летопись музея, в. 6, Херсон, 1912, стр. 11, рис. 6; И. В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник, статья в настоящем сборнике.

ского городища «Красногорское» (рис. 14, в) и на серебряной пряжке из того же склепа (рис. 14, е). Особый характер носит знак в росписи склепа № 1 в Неаполе, введенный в своеобразную «рамку» (рис. 14, б).

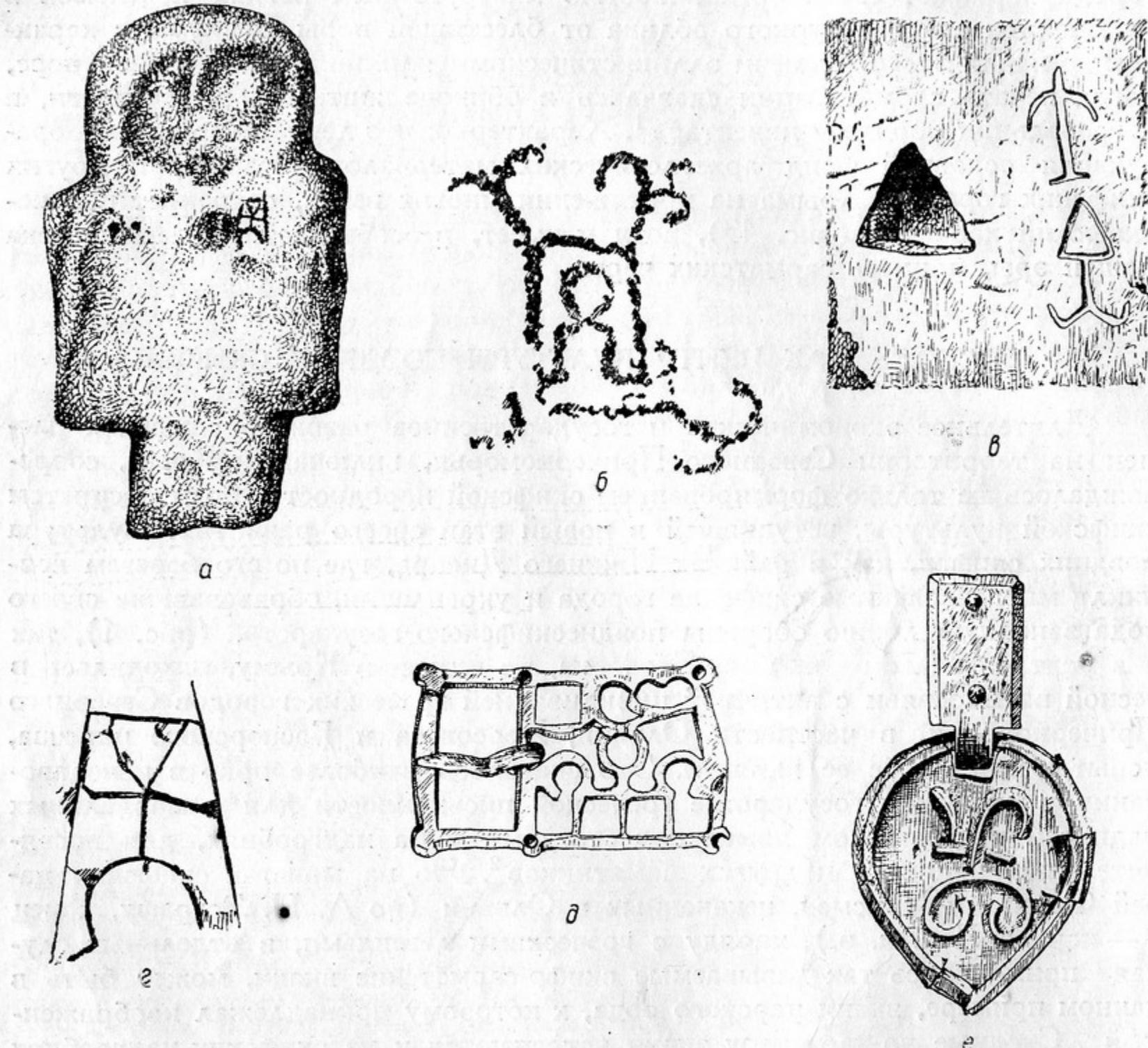

Рис. 14. Скифо-сарматские знаки в предгорьях Крыма:

а, г — надгробие из скифского городища «Красное» с вырезанным на нем знаком. Известняк; *б* — знак в расписном склепе № 1 Неаполя; *в* — знак в склепе близ скифского городища у с. Красногорское; *д* — знак на бронзовой пряжке из Чернореченского могильника; *е* — знак на серебряной пряжке из склепа близ с. Красногорское.

Большой интерес представляют многочисленные скифо-сарматские знаки, расположенные отдельными группами в ряд на стенах пещер в скалах Ак-Кая близ г. Белогорска (б. Карасубазар)¹. В многослойных белогор-

¹ П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1947 г., КСИИМК, в. XXVII, стр. 65 сл.; Э. И. Соломоник, Отчеты о работе по исследованию скифо-сарматских знаков Северного Причерноморья за 1952—1954 гг., Рукописи в архиве КФ АН УССР.

ских пещерных стоянках имеются явные признаки позднескифского культурного слоя.

Наличный материал, принимая во внимание недостаточную его изученность, позволяет сделать предварительный вывод о том, что не только сарматы, но и поздние скифы применяли так называемые скифо-сарматские знаки.

Возможно, что дальнейшие исследования скифо-сарматских знаков, в особенности расположенных в строку, дадут возможность рассматривать их как зачатки местной письменности¹.

Раскопки послевоенных лет опровергают представление о Неаполе как об эллино-скифском городе, высказанное уже давно и поддержанное в свое время Ростовцевым. Наиболее типичные памятники столицы поздних скифов — оборонительные стены, башни, ворота, жилые дома, дороги-улицы, погребальные сооружения — имеют в основном самобытный характер. Грееки — Посидей, Евмен и другие — жили в Неаполе и занимали в нем, вероятно, важные посты, в особенности Посидей, разбивший пиратствующих сатархеев². Это, естественно, налагало известный отпечаток на характер скифского города. Наряду с преобладающей скифской, в нем, конечно, слышалась и греческая речь. Но в антропологическом материале Неаполя, как это установлено Г. Ф. Дебецом³, примесь средиземноморского этнического элемента, представленная по преимуществу в женских черепах из погребений в мавзолее, хотя и имела место, но не была значительной.

Судя по имеющимся антропологическим данным, подкрепляемым анализом лепной керамики, город был скифским на всем протяжении своего развития как по этническому составу, так и по культуре. Мы вправе на основании всего имеющегося материала рассматривать Неаполь как центр культуры поздних скифов, приобретавший здесь уже городской характер. Это наиболее ярко сказалось в его своеобразной архитектуре, скульптуре и стенной росписи склепов.

В ранние периоды культура города, как это уже подчеркивалось, испытала сильное греческое влияние. Это сказалось, в частности, в строгой планировке сооружений по странам света, параллельно городской стене, что особенно заметно на участке у центральных ворот. Эти воздействия проявились и в использовании греческой письменности для официальных надписей, и в наличии портретных рельефов с изображениями скифских царей, и в применении рустованной кладки и кладки «кордонами на ребро, плитами на образок», а также в использовании многих элементов боспорской торевтики, деревянной резьбы (саркофаг мавзолея) и приемов росписи по штукатурке в домах (рис. 5).

¹ Стручное размещение знаков наиболее хорошо представлено на одном из камней, найденном в Ольвии в 1948 г.

² IosPE, 1², № 672.

³ Г. Ф. Дебец, Антропологические материалы Неаполя скифского, Тезисы до-клада, прочтенного на пленуме ИИМК АН СССР в 1949 г., Рукопись в архиве ИИМК АН СССР и в архиве КФ АН УССР.

Если в ранние периоды истории Неаполя, в особенности в эпоху его первого расцвета, доминировали эллинские влияния, то, напротив, в период вторичного расцвета города преобладает уже воздействие сарматской культуры. Город изменился и по своему этническому составу. Проникновение сарматского этнического элемента сказалось в антропологическом материале Неаполя. Появляются признаки сарматского влияния и в погребальном обряде (разбитые зеркала) и в инвентаре могил (мечи сарматского типа и т. д.). Однако сарматская посуда в жилых помещениях и в погребениях встречается лишь как исключение.

В обиходе жителей Неаполя и других скифских поселений Крыма на протяжении более чем шести веков мы наблюдаем устойчивые формы лепной скифской посуды (рис. 13) — простые и лощеные горшки разнообразных форм и размеров, без орнамента, простые и лощеные миски, реже — кувшины; для культовой посуды характерны позднескифские лощеные и простые курильницы, в отличие от остальных видов посуды, обычно орнаментированные¹. Типичной особенностью позднескифской лепной керамики Крыма, как последних веков до нашей эры, так и первых веков нашей эры является почти полное отсутствие орнамента при относительно широком распространении черного, красного, коричневого, желтого и серого лощения. В этом заключается одно из основных ее отличий от керамики скифских городищ Нижнего Днепра.

В краниологическом материале, как показали исследования Г. Ф. Дебеца и К. Ф. Соколовой, доминирует антропологический тип, близкий нижнеднепровским скифам, что свидетельствует об устойчивости основного контингента скифского населения Неаполя. Примесь таврского этнического элемента крайне незначительна: среди многочисленных погребений предположительно обнаружен лишь один скорченный костяк I в. н. э., который может быть отнесен к таврам. Черепа средиземноморского облика, как уже было отмечено, немногочисленны².

Поэтому тенденция, имевшая место в дореволюционной литературе и частично еще сохранившаяся по настоящее время, трактовать Неаполь и другие скифские города Таврического полуострова как города «тавро-скифов», а государство поздних скифов как «тавро-скифское»³ не получает подкрепления в материале. В равной мере нельзя принять и упомянутое выше желание видеть в Неаполе город «наполовину греческий, наполовину варварский»⁴, а в скифском государстве — «государство греко-скифское»⁵. Имеющийся материал этому противоречит. Нет также никаких оснований

¹ Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. Географич. об-ва Союза ССР, в. 1, 1951, стр. 98, рис. 6; П. Н. Шульц, Мавзолей Неаполя скифского, М., 1953, стр. 33, табл. XXI, рис. 16.

² Г. Ф. Дебец, Антропологические материалы Неаполя скифского, Рукопись статьи в архиве КФ АН УССР.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 531, 533.

⁴ Б. Граков, Скифи, К., 1947, стр. 32.

⁵ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, № 3, 1938, стр. 49 сл.

оценивать культуру Неаполя и скифских городищ Крыма как сарматскую, хотя она и получила свой расцвет в период преобладания сарматских племен и сарматской культуры в степях Северного Причерноморья.

Нельзя согласиться и с попытками трактовать скифское государство как царство эллинистического типа¹. В государстве скифов отсутствует характерное для эллинизма развитое рабовладение античного типа, нередко осложненное элементами восточных форм рабства, связанное с ростом крупного землевладения и рабовладельческих эргастерий. В нем незаметно, при наличии монархии и царской власти, тех специфических форм государственного устройства развитой рабовладельческой формации эллинистического типа, которые так характерны, в частности, для Боспора. Материально-техническая база скифского государства не имеет характерных для эллинизма черт. Техника поздних скифов была отсталой по сравнению с техникой эллинистических царств. Скифское государство, в отличие от эллинистических монархий, не возникло на основе завоеваний чужих территорий. К тому же греческие элементы не так уж сильно в нем выражены. Вот почему отнесение скифского государства к монархиям эллинистического типа не может быть принято.

Позволю себе несколько замечаний по вопросу о культурном наследии, оставленном скифскими племенами.

Одной из примечательных сторон культуры поздних скифов, наиболее ярко представленной в памятниках Неаполя, является несомненное наличие в ней элементов, получивших дальнейшее развитие в культуре раннеславянских племен Восточной Европы и частично сохранившихся в качестве пережитков в русском, украинском и белорусском народном художественном творчестве. Мы имеем в виду тот круг мотивов, на котором в свое время сосредоточил внимание В. А. Городцов в своей статье «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве»².

Приведем несколько примеров. В склепе № 1 Неаполя на стене в условной манере воспроизведена фигура, повидимому, богини с распростертыми руками и своего рода «лучами» или рогатым головным убором на голове. Слева от богини изображен в той же условной манере вздыбившийся крылатый конь или грифон (рис. 15, а). Вероятно, и с правой стороны, где роспись утрачена, также был изображен аналогичный крылатый конь (воспроизведен на рисунке 15, а предположительно, условным контуром). Перед нами, очевидно, традиционный мотив богини с крылатыми конями по сторонам. Склеп датируется находками II—III вв. н. э. Ближайшую аналогию этому мотиву дает глиняный обожженный штамп для лепешек или хлебцев из Илурата, относящийся, примерно, к тому же вре-

¹ К этому склоняется К. К. Зельин в своей работе «Основные черты эллинизма» (Всемирная история, т. II, ч. IV, гл. V, § I; ВДИ, № 4, 1953, стр. 149, 153, 154).

² Труды ГИМ, в. 1, М., 1926, стр. 7 сл.

мени (рис. 15, б)¹. На штампе изображена в условной манере богиня с раскинутыми в стороны руками, причем из левой руки у нее произрастает ветвь. Вокруг головы знакомые нам по склепу № 1 «лучи» или же рогатый головной убор. Над правой рукой — птица. По сторонам — крылатые кони или грифоны.

Дальнейшее развитие этого образа в древнеславянском и русском народном творчестве прослежено в работах В. А. Городцова², Б. А. Рыбакова³, Л. А. Динцеса⁴ и Н. Н. Воронина⁵. Б. А. Рыбаков связывает образ богини, часто воспроизведшийся в русских народных вышивках (рис. 15, в, г), с западнославянской «Живой» и восточнославянской «Берегиней» — богиней природы, земли и плодородия. Мотив, распространенный в скифской и сарматской среде, получил, очевидно, дальнейшее развитие среди славянских племен и сохранился, как декоративный мотив, в русском народном искусстве.

Второй пример. Две ниши склепа № 9 Неаполя скифского воспроизводят постройку, повидимому, с двускатной крышей, на коньке которой мы видим украшение, имевшее, вероятно, значение оберега в виде коня, по сторонам которого изображены головы коней, обращенные мордами наружу (рис. 16, б). Трудно сказать, воспроизводится ли здесь вырезанное из дерева завершение конька крыши или глиняный «акротерий». Мотив коня и геральдически расположенных голов коней, обращенных мордами то наружу (ниши № 2 и 3), то внутрь (ниша № 4), вполне естественен в скифской и сарматской среде. Конь, копье и стрела, так тесно связанные с бытом древних степных племен, прочно вошли в культовые представления скифов. Копья водружались и в погребениях и на вершинах курганов⁶, оберегая, наряду с черепами и костяками коней, и как бы обслуживаая погребенных.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что резные деревянные копья и стрелы вплоть до настоящего времени являются доминирующим мотивом украшения хат с двускатными крышами на Украине, что особенно характерно для ее лесостепных и северных районов. Этот же мотив широко распространен в сельских постройках Крыма и Таманского полуострова, куда он, повидимому, занесен с Украины. Стрелы на коньках крыш встречаются и в центральных черноземных областях, их можно видеть и

¹ В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья, СА, XV, 1951, стр. 185, рис. 15; А. В. Грач, К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений, СЭ, № 4, 1952, стр. 174—181, рис. 1.

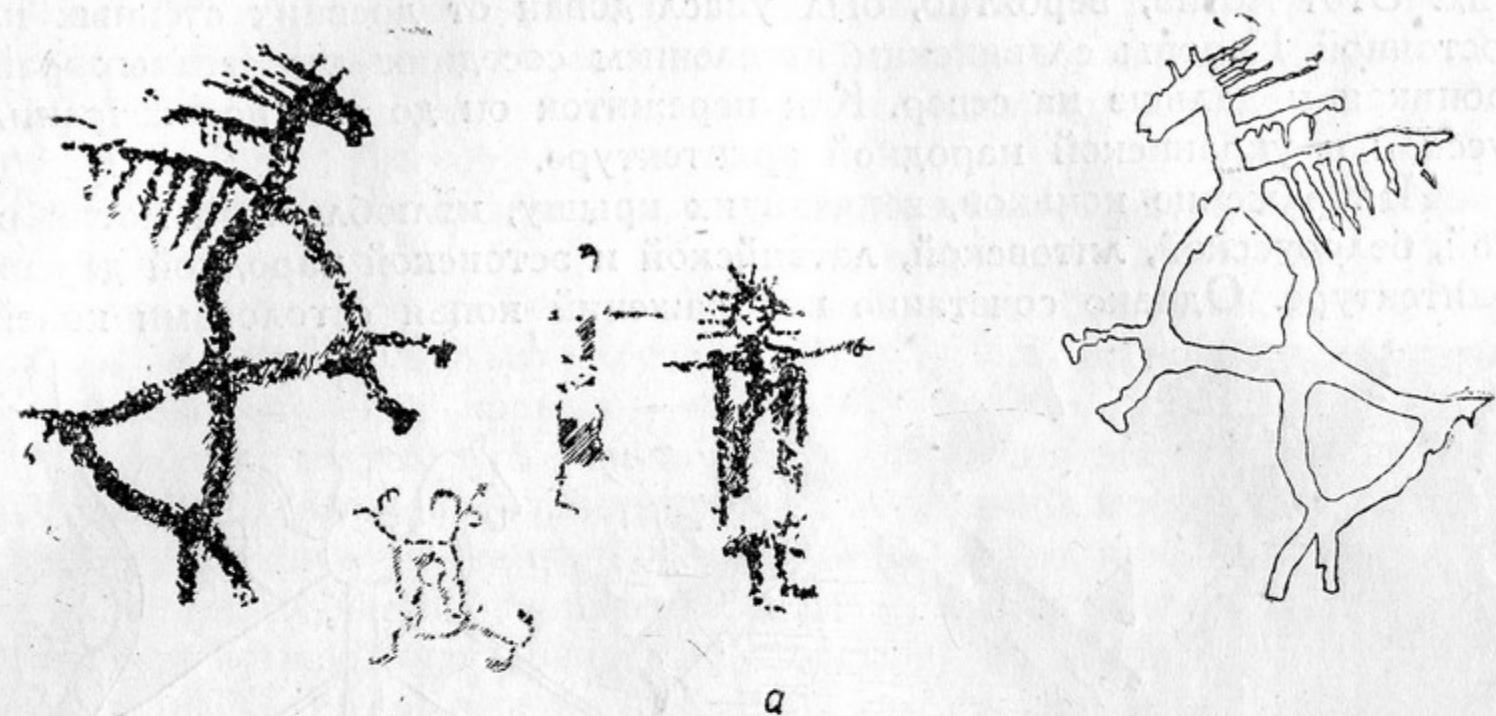
² В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, в. 1, 1926.

³ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, СЭ, 1948, № 1, стр. 90.

⁴ Л. А. Динцес, Русская глиняная игрушка, 1936.

⁵ Н. Н. Воронин, К характеристике древнейшего зодчества восточных славян, КСИИМК, в. XVI, 1947, стр. 97 сл.

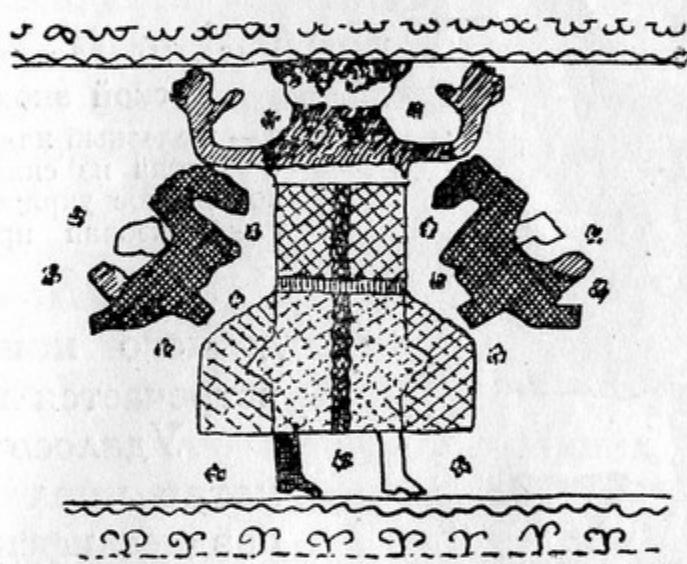
⁶ ИАК, в. 65, стр. 116. О скифском обычай втыкать копье в могильную насыпь см. Т. Н. Книпович, Танаис, М., 1949, стр. 48.

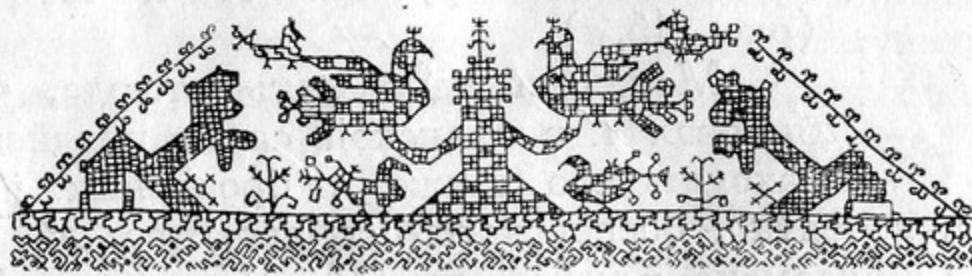
a

b

c

d

Рис. 15. Мотив крылатых коней и богини в изображениях скифо-сарматской эпохи и в русском народном искусстве:

a — деталь росписи склепа № 1, Неаполь (II—III вв. н. э.); *b* — глиняный штамп из Илурата (II—III вв. н. э.); *c*, *d* — детали русской крестьянской вышивки (по В. А. Городцову).

севернее, например, в Псковской, Новгородской и Ленинградской областях. Этот мотив, вероятно, был унаследован от древних степных племен Восточной Европы славянским населением соседних лесостепных районов, проникая и дальше на север. Как пережиток он до сих пор сохранился в русской и украинской народной архитектуре.

Изображение коньков, венчающих крышу, излюбленный мотив в русской, белорусской, литовской, латвийской и эстонской народной деревянной архитектуре. Однако сочетание изображений копья с головами коней, по-

Рис. 16. Мотив копья и коней в изображениях скифо-сарматской эпохи и в украинской народной архитектуре:

а — железный налобник из Неаполя скифского (рубеж II—III в. н. э.); *б* — ниша из склепа № 9 Неаполя скифского (I в. н. э.); *в* — деревянное резное украшение конька хаты Киевской области (с. Христиновка); *г* — бронзовая пряжка из погребения Чернореченского могильника (II—III вв. н. э.).

добного нишам № 2—4 в склепе № 9 Неаполя, встречается не так уж часто.

Удалось установить, что этот комбинированный мотив имел распространение в Крыму не только в позднескифской (склеп № 9), но и в сарматской среде. Мы находим его в несколько модифицированной форме (головы коней по сторонам острия) в железном конском налобнике, посеребренном и позолоченном из упоминавшегося погребения аланского военачальника рубежа II и III вв. в Неаполе (рис. 16, *а*).

Можно предполагать отсюда, что этот мотив бытовал и в аланской среде позднего Боспора. Мы находим его также в бронзовых пряжках сарматского характера, вероятно, боспорского производства, из Чернореченского могильника близ Инкермана, в погребении II—III вв. н. э. (рис. 16, *г*). Ближайшие аналогии этим пряжкам имеются на Боспоре¹.

¹ ОАК, 1891, стр. 53, рис. 29. В средневековое время мотив копья, обрамленного завитками, применялся для железных наверший стягов на Северном Кавказе, в частности в районах Кабарды (ОАК, 1897, стр. 44, рис. 123). Б. А. Рыбаков сопоставил данный стяг с тамгой Мстислава Удалого Тмутараканского (СА, VI, 1940, стр. 242, рис. 41, 42).

Среди резных деревянных украшений коньков хат, изучавшихся В. А. Самойловичем, научным сотрудником Академии архитектуры УССР, в Житомирской, Киевской, Черниговской и других областях Украины, наряду с копьем и стрелой широко распространены головы коней, обрамляющие копье (рис. 16, в).

Приведенный нами образец резного деревянного завершения коньков крыш из Киевской области (с. Христиновка)¹ дает поразительную по близости аналогию изображению коньков по сторонам копья в склепе № 9. Может ли эта близость быть случайной? В. Д. Блаватский считает, что сочетание голов коней с копьем — «бродячий мотив», возникающий независимо в разных местах и в разное время². На наш взгляд, это мало вероятно. Если головы коней действительно «бродячий мотив», то здесь мы имеем более сложное сочетание копья, голов коней и конька крыши. Скорее всего это не случайное совпадение, а вклад позднескифских архитектурных мотивов в народную архитектуру восточных славян. Данный мотив, представленный в Неаполе и бытовавший, несомненно, и в других центрах сарматской и скифской культуры, в частности, на Нижнем Днепре, передаваясь из поколения в поколение, сохранился в украинском быту вплоть до наших дней. Киевская и Черниговская области в своей народной деревянной резьбе, в частности в резных и раскрашенных балках «сволоках», дают ряд поразительных аналогий орнаментальным мотивам поздних скифов, наиболее ярко представленным в склепе № 9³.

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить и дополнить, в частности материалами по орнаментации склепов Неаполя. Но и то немногое, что в рамках настоящей статьи привлечено, в увязке с материалами В. А. Городцова, Б. А. Рыбакова, Л. А. Динцеса и Н. Н. Воронина позволяет сделать вывод, что культура поздних скифов, тесно связанная с культурой сарматских племен, имеющая много общих черт в Крыму и на Нижнем Днепре, внесла свой вклад в процессы формирования культуры восточного славянства. Внесен ли этот вклад через соседившие со скифами поднепровские славянские племена лесостепной полосы или иным путем — покажет дальнейшее исследование.

Нами привлечены эти примеры для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что вне зависимости от решения вопроса об этнической принадлежности скифских племен, проблема вклада скифской и сарматской культуры в культурно-историческое развитие восточного славянства не может быть снята и выключена из исследований по истории племен и народностей нашей Родины.

¹ Украшение конька крыши в с. Христиновке, Киевской области, зарисовано и представлено для опубликования В. А. Самойловичем.

² См. сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 27.

³ Само собой разумеется, что эти сопоставления, связанные с вопросом об использовании отдельных скифских и сарматских мотивов в славянской среде, сами по себе ровно ничего не дают по вопросу об этнических взаимосвязях тех и других. Вопрос о характере этих взаимосвязей должен решаться комплексно и в первую очередь на языковом и антропологическом материалах, с учетом и использованием, помимо свидетельств древних авторов и эпиграфики, археологических и этнографических данных.